

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

КЛУБ ДЮМА
или ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

Каждый получает такого дьявола,
какого заслуживает.

Артуро Перес-Реверте

Арту́ро Перес-Реверте

Клуб Дюма, или Тень Ришелье

Серия «Большой роман»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144782
Клуб Дюма, или Тень Ришелье: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21576-4

Аннотация

Варо Борха, обладатель крупнейшей в Испании коллекции книжных редкостей, нанимает Лукаса Корсо, опытного букиниста и охотника за уникальными книгами, чтобы установить подлинность приобретенного им экземпляра книги, некогда преданной огню инквизицией вместе с ее издателем и сохранившейся лишь в трех экземплярах. Заодно с этим Корсо предстоит проверить на подлинность рукопись одной из глав «Трех мушкетеров». Задача поставлена непростая. Осложняется она тем, что в ходе ее выполнения смерть преследует Лукаса по пятам, но до времени уносит с собой лишь тех, с кем он имеет дело. Что это? Случайное совпадение? Или демоны из книги о том, как из мрака вызывать Люцифера, действительно выходят из адских врат?

По мотивам романа был снят знаменитый фильм Романа Полански «Девятые врата» (1999), главную роль в котором исполнил Джонни Депп.

Содержание

Глава 1. «Анжуйское вино»	8
Глава 2. Рука покойника	48
Глава 3. Люди в сутанах и люди со шпагами	75
Глава 4. Человек со шрамом	111
Глава 5. Remember	151
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Артуро Перес-Реверте

Клуб Дюма, или

Тень Ришелье

Arturo Pérez-Reverte

EL CLUB DUMAS

Copyright © 1993 by Arturo Pérez-Reverte

© Н. А. Богомолова, перевод, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Кале, которая вдохновила меня на этот бой

Сверкнула вспышка, и на стену упала тень повешенного. Он висел в самом центре гостиной, на крюке от люстры, и по мере того как фотограф, кружа по комнате, делал снимки, тень перескакивала с картин на фарфор в застекленных витринах, с книжных полок на полураздвинутые портьеры. За огромными окнами лил дождь.

Молодой судебный следователь с еще не просохшими

взъерошенными волосами, не сняв мокрого плаща, диктовал секретарю протокол осмотра. Тот печатал, сидя на диване и пристроив портативную машинку на стул. Стук клавиш крепкими стежками прошивал и монотонный голос следователя, и тихие комментарии полицейских, сновавших по гостиной.

– ...Пижама, сверху – халат. Пояс от халата явился орудием удушения. Руки трупа связаны спереди галстуком. На левой ноге тапка, правая – босая...

Следователь дотронулся до обутой ноги покойника, и тело, чуть колыхнувшись, начало медленно поворачиваться на туго натянутом шелковом шнуре слева направо, потом в обратную сторону, уже быстрее, пока не застыло в прежнем положении, – так магнитная стрелка, немного пометавшись, опять и опять упрямо указывает на север. Следователь отошел от покойника и при этом постарался не задеть полицейского в форме, который искал на полу отпечатки пальцев. Прямо под повешенным валялись осколки разбитой вазы и лежала книга, открытая на странице с жирными красными пометками. Это был старый том «Виконта де Бражелона» – дешевое издание в матерчатом переплете. Заглянув через плечо агента, следователь сумел прочесть отчеркнутые строки:

– О, я предан! Известно все, решительно все!

– Все в конце концов делается известным, – заметил Портос, который, в сущности, ничего не знал.

Следователь велел секретарю занести эту деталь в протокол, а книгу включить в опись вещественных доказательств, затем направился к высокому мужчине, который курил у открытого окна.

– Ну и что вы обо всем этом думаете? – спросил он, пристраиваясь рядом.

Высокий был одет в кожаную куртку с полицейским значком на кармане. Он докурил сигарету, потом через плечо, не оглядываясь, швырнул окурок в окно и только тогда ответил:

– Когда бутылка содержит нечто белое, легко предположить, что там молоко. – Фраза прозвучала несколько загадочно, но по ответной улыбке следователя можно было судить, что для него тут никакой загадки нет. В отличие от полицейского он стоял к окну лицом и смотрел на улицу, где продолжал лупить дождь. Кто-то открыл дверь в противоположном конце комнаты, и в лицо следователю вместе с порывом ветра полетели крупные капли.

– Эй, дверь закрывайте! – крикнул он, не глянув назад. Потом обратился к полицейскому: – Ведь бывает, что преступники маскируют убийства под самоубийства.

– И наоборот, – спокойно заметил высокий.

– Ну а руки? Зачем понадобилось связывать их галстуком?

– Самоубийцы порой боятся, что в последний миг им не хватит решимости довести дело до конца... Убийца связал

бы ему руки за спиной.

– Но ведь это бессмысленно, – возразил следователь. – Взгляните, какой тонкий и прочный пояс. После того как несчастный потерял опору, у него не было шансов на спасение – руки ему не помогли бы.

– Кто знает? Подождем вскрытия.

Следователь еще раз посмотрел на труп. Агент, искавший отпечатки пальцев, поднялся с пола с книгой в руках.

– Любопытная страница.

Высокий пожал плечами.

– Я мало читаю, – сказал он. – Портос – это ведь один из этих... Как их? Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. – Он считал, загибая пальцы левой руки большим пальцем правой. Потом задумался и добавил: – Забавно... Я никогда не мог понять, почему книга называется «Три мушкетера», хотя на самом деле их было четверо.

Глава 1. «Анжуйское вино»

Читатель должен подготовиться к тому, что он станет свидетелем самых жестоких сцен.

Э. Сю. Парижские тайны

Меня зовут Борис Балкан. Когда-то я перевел «Пармскую обитель». Кроме того, я пишу статьи и рецензии, которые знает пол-Европы, читаю лекции о современной литературе на летних университетских курсах и являюсь автором нескольких книг о популярных романах XIX века. Боюсь, правда, что ничего особо выдающегося я пока сделать не успел. Ведь нынче настали совсем иные времена: самоубийства маскируют под убийства, романы пишет врач Роджер Экройд, и всякий норовит опубликовать сотню-другую страниц с описанием захватывающих впечатлений, которые он испытал, разглядывая себя в зеркало.

Но не станем отвлекаться.

Я познакомился с Лукасом Корсо, когда он явился ко мне с «Анжуйским вином» под мышкой. Корсо был своего рода наемным солдатом у генералов-библиофилов, то есть промышлял охотой за книгами по заказам клиентов. Что требуется от человека, который занимается таким ремеслом? Он не должен быть слишком разборчивым в средствах, зато ему нужны хорошо подвешенный язык, быстрая реакция, терпе-

ние и, разумеется, большое везение – это в первую очередь. А также отличная память, чтобы вовремя сообразить, где, в каком пыльном закутке, в какой лавке старьевщика лежит томик, за который некто готов заплатить бешеные деньги. Корсо обслуживал узкий круг избранных клиентов: пару десятков букинистов из Милана, Парижа, Лондона, Барселоны и Лозанны – тех, что берут в работу всего полсотни книг, не более. Их можно назвать аристократами букинистического мира, ибо они торгуют инкунабулами, антикварными экземплярами и понимают: если книга переплетена в пергамен, а не в телячью кожу и поля у нее на три сантиметра шире обычного, это может поднять цену на тысячи долларов. Они – шакалы в царстве Гутенберга; пираньи, кружащие вокруг ярмарок антиквариата; пиявки, присосавшиеся к аукционам. Они способны продать собственную мать – лишь бы заполучить экземпляр первого издания; правда, клиентов они принимают в гостиных с видом на Домский собор или Боденское озеро и сидят при этом на кожаных диванах. И еще: они никогда не пачкают рук и не пятнают совести. На то существуют такие типы, как Корсо, которые ничем не брезгают. Тем они и полезны.

Корсо сдернул с плеча холщовую сумку и бросил на пол, к ногам, обутым в нечищенные английские ботинки; потом уставился на портрет Рафаэля Сабатини¹ – он стоит в рамке

¹ *Рафаэль Сабатини* (1875–1950) – английский писатель, автор почти сорока романов и множества рассказов. Наиболее известны романы «Скарамуш» (1920)

у меня на столе рядом с авторучкой, которой я правлю статьи и типографские гранки. Это мне сразу понравилось, потому что обычно посетители не балуют портрет вниманием: они принимают Сабатини за моего престарелого родственника. Краешком глаза я наблюдал за реакцией Корсо и заметил, как он ухмыльнулся, усаживаясь в кресло; гримаса получилась какой-то ребячливой; он стал похож на кролика из мультфильма, когда тот впервые показывается в конце улицы и сразу завоевывает безоговорочную любовь зрителей.

Со временем я узнал, что Корсо умеет улыбаться и совсем иначе – как жестокий, изголодавшийся волк. Вернее сказать, умеет выбирать маску, соответствующую обстоятельствам. Но, повторяю, это я узнал много позже. А в тот миг он произвел на меня впечатление человека искреннего, и я рискнул подвергнуть его маленькому испытанию.

– «Он родился на свет с обостренным чувством смешного, – процитировал я, кивнув на портрет, – и врожденным ощущением того, что мир безумен...»²

Я увидел, как он неспешно и уверенно качнул головой, и во мне проснулась симпатия к нему, чувство, что нас роднит принадлежность к общему делу. Чувство это, несмотря на все, что случилось в дальнейшем, я сохранил и до сих пор. Корсо достал откуда-то сигарету без фильтра, такую же мя-

и «Одиссея капитана Блада» (1922). – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Здесь и далее роман «Скарамуш» цитируется в переводе И. Н. Тихонова и Е. З. Фрадкиной.

тую, как его старый плащ и вельветовые брюки. Он вертел сигарету в пальцах и рассматривал меня сквозь очки в железной оправе, которые косо сидели у него на носу, – глядел из-под упавшей на лоб пряди уже чуть седоватых волос. Другую руку он по-прежнему держал в кармане, словно сжимал там рукоятку пистолета. Замечу, кстати, что карманы его напоминали бездонные ямы – чего там только не было! Книжки, каталоги и документы, а еще – о чем я тоже узнал позднее – там непременно лежала фляжка с джином «Болс».

– «...И в этом заключалось все его достояние», – с ходу закончил он цитату, потом удобнее устроился в кресле и снова улыбнулся. – Хотя, если не кривить душой, мне больше нравится «Капитан Блад».

Я поднял вверх ручку, готовясь прочесть ему суровую отповедь.

– И тут вы не правы. «Скарамуш» для Сабатини – то же, что «Три мушкетера» для Дюма. – Я отвесил учтивый поклон в сторону портрета. – «Он родился на свет с обостренным чувством смешного...» За всю историю романов-фельетонов не было начальной фразы, равной этой.

– Что ж, спорить не стану, – согласился Корсо после паузы и тотчас выложил на стол папку с какой-то рукописью. Каждая ее страница помещалась в отдельном пластиковом конверте. – Знаете, а вы очень кстати упомянули Дюма.

Он пододвинул папку ко мне, но прежде повернул так, чтобы я мог ознакомиться с ее содержимым. Все листы бы-

ли исписаны по-французски и только с одной стороны; бумага была двух видов: белая, уже пожелтевшая от времени, и бледно-голубая в мелкую клеточку – тоже очень старая. Каждому виду бумаги соответствовал свой тип почерка. На голубой писали черными чернилами. И вот что интересно: теми же чернилами и тем же почерком была сделана правка на белой бумаге – поверх текста, написанного мелкими, вытянутыми вверх буквами. Всего в папке лежало пятнадцать страниц, из них одиннадцать – голубые.

– Занятно. – Я поднял глаза на Корсо. Тот терпеливо переводил взгляд с меня на папку и с папки на меня. – Откуда это у вас?

Он потер переносицу, явно прикидывая, до какой степени та информация, ради которой он ко мне явился, обязывает его быть откровенным. Потом скорчил новую гримасу – уже третий вариант – и стал похож на невинного и простодушно-го кролика. Да, Корсо, несомненно, был профессионалом.

– Да так... От клиента моего клиента.

– Понятно.

Он выжидательно помолчал. Ведь приметы хитрости – не только предусмотрительность и расчетливость, но и осторожность. Мы оба отлично это знали.

– Разумеется, – добавил он, – я готов, если вам будет угодно, назвать имена.

Я заверил его, что нужды в том нет, и он сразу успокоился, поправил очки и спросил мое мнение о манускрипте. Я не

спешил с ответом и принялся перелистывать страницы в обратном порядке – пока не дошел до первой. Название было выведено заглавными буквами, жирное: «Анжуйское вино».

Я прочел вслух первые строки:

Après de nouvelles presque désespérées du roi, le bruit de sa convalescence commençait à se répandre dans le camp...³

Я невольно улыбнулся. Корсо жестом показал, что хочет услышать мое суждение.

– Нет никаких сомнений, – сказал я. – Это рукопись Александра Дюма-отца. «Анжуйское вино», насколько могу припомнить, сорок какая-то глава «Трех мушкетеров».

– Сорок вторая, – подтвердил Корсо. – Сорок вторая глава.

– И это – оригинал? Подлинная рукопись Дюма?

– Ради этого я к вам и пришел – чтобы вы дали свое заключение.

Я пожал плечами, желая показать, что не готов взять на себя такую ответственность.

– А почему именно ко мне?

Это был глупый вопрос – из тех, что помогают тянуть время. Корсо, видно, подумал, будто я решил пококотничать. На лице его отразилось нетерпение.

– Вы ведь специалист, – буркнул он раздраженно. – Вы

³ После вестей о почти безнадежной болезни короля вскоре в лагере начали распространяться слухи о его выздоровлении... (*фр.*) Здесь и далее роман «Три мушкетера» цитируется в переводе В. Вальдман, Д. Лившиц и К. Ксаниной.

не только самый влиятельный в нашей стране литературный критик, вы всё знаете о романе-фельетоне XIX века.

– Вы забыли о Стендале.

– Не забыл. Я читал ваш перевод «Пармской обители».

– Надо же! Вы мне льстите.

– Боюсь, что нет. Мне больше нравится перевод Консуэло Бергес.

Мы обменялись улыбками. Он мне решительно нравился, и я уже начинал привыкать к его манерам.

– А книги мои вам знакомы?

– Только некоторые. «Люпен», «Раффлз», «Рокамболь», «Холмс»... Или, скажем, работы о Валье-Инклане, Барохе и Гальдосе⁴. Кроме того, «Дюма, или След гиганта». Потом – ваше исследование, посвященное «Графу Монте-Кристо»...

– И вы все это прочитали?

– Нет. Я, конечно, работаю с книгами, но не обязан их читать.

Он лгал. Или, по крайней мере, сгущал краски. Он принадлежал к породе людей основательных и добросовестных: прежде чем нанести визит, разузнал обо мне все, что мог,

⁴ *Арсен Люпен* – «вор-джентльмен», герой детективных сочинений французского писателя Мориса Леблана (1864–1941); *Раффлз* – персонаж, созданный английским писателем Эрнестом Уильямом Хорнунгом (1866–1921); *Рокамболь* – герой многотомного цикла романов французского писателя Пьера Алексиса Понсона дю Террайля (1829–1871); *Шерлок Холмс* – герой повестей английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930); *Рамон Мариядель Валье-Инклан* (1866–1936); *Пио Бароха-и-Неси* (1872–1956); *Бенито Перес Гальдос* (1843–1920) – испанские писатели-классики.

полистал все мои работы, которые сумел добыть. Он был из числа тех запойных читателей, что с самого нежного детства алчно проглатывают любой печатный текст. Правда, я до сих пор считаю маловероятным, что хоть в какой-то период детство Корсо заслуживало названия «нежное».

– Понимаю, – сказал я, только чтобы не молчать.

Он наморщил лоб, соображая, не забыл ли чего, потом снял очки, подышал на стекла и протер их мятым платком, извлеченным из бездонных карманов плаща. Упомяну, кстати, что его не по размеру большой плащ, кроличьи зубы и миролюбивое выражение лица создавали обманчивое впечатление слабости и безволия. На самом деле Корсо был крепок и упрям, как кирпич. Черты лица у него были тонкими и резкими, словно оно состояло из острых углов, а глаза смотрели очень внимательно, хотя начинали лучиться простодушием, как только Корсо угадывал, что собеседника можно подсечь именно на простодушии. Порой он выглядел даже неуклюжим и вялым – особенно когда позволял себе расслабиться. Есть такие беспомощные и неприютные на вид существа: знакомые угощают их куревом, официанты наливают лишнюю рюмку, женщины горят желанием немедленно взять их под опеку. До окружающих слишком поздно доходит, что их одурачили. А лицемер уже во весь опор скачет прочь, добавив на рукоять своего кинжала новые победные зарубки.

– Вернемся к Дюма, – предложил Корсо, показывая на рукопись. – Человек, написавший про него пятьсот страниц,

должен с ходу почувствовать знакомую ауру – такую способен источать только подлинник. Довольно прикоснуться к страницам... Не так ли?

Я положил руку на покрытые пластиком листы – жестом священника, касающегося церковных реликвий.

– Боюсь разочаровать вас, но я абсолютно ничего не чувствую.

Мы дружно расхохотались. Корсо смеялся особенно – сквозь зубы, как человек, не вполне уверенный в том, что они с собеседником смеются над одним и тем же. Иначе говоря, то был злой и холодный смех, даже чуть нагловатый: он надолго зависает в воздухе и рассеивается нередко лишь после того, как смеявшийся покинул комнату.

– Давайте по порядку, – сказал я. – Рукопись принадлежит вам?

– Повторяю, нет. Один мой клиент только что приобрел ее, и его мучает вопрос: как могло случиться, что до сей поры никто не слышал о существовании полного рукописного оригинала этой главы «Трех мушкетеров»? Он желает получить формальное подтверждение подлинности... И поручил это дело мне.

– Знаете, меня удивляет, что вы занялись такой мелочью. – Тут я должен добавить: я тоже кое-что знал о Корсо. – Откровенно говоря, Дюма в нынешние времена...

Я не договорил и горько улыбнулся, приглашая его разделить мои чувства, но Корсо мне подыгрывать не стал и про-

должал гнуть свое.

– Этот клиент – мой друг, – пояснил он спокойно. – Я хочу оказать ему личную услугу.

– Понимаю, но не уверен, что смогу быть вам полезен. Я видел рукописи Дюма, и эта вполне похожа на подлинную, но дать официальное экспертное заключение – дело иное. Тут нужен хороший графолог... Готов порекомендовать одного такого, он живет в Париже: Ашиль Репленже, владелец книжной лавки, где продают автографы и исторические документы. Лавка расположена неподалеку от Сен-Жермен-де-Пре. Он отлично знает французскую историю XIX века, к тому же очаровательный человек и мой добрый приятель. – Я указал на стену, где в рамке висел некий документ: – Вот это письмо Бальзака я купил у него несколько лет назад. Естественно, за огромные деньги.

Я взял в руки записную книжку, чтобы найти нужный адрес, и протянул Корсо визитную карточку. Он спрятал ее в выдавший виды, плотно набитый бумажник, потом вытащил из кармана плаща блокнот и карандаш с ластиком на конце. Ластик был обкусан совсем как у школьника.

– Я могу задать вам несколько вопросов?

– Разумеется.

– Вы знали о существовании полной рукописи хоть одной из глав «Трех мушкетеров»?

Прежде чем ответить, я покачал головой, потом снял колпачок с ручки «Монблан» и опять надел его.

– Нет. Роман печатался частями в «Съекль» с марта по июнь 1844 года... Как только наборщик заканчивал работу, рукописный вариант отправляли в мусорную корзину. И все же кое-какие фрагменты уцелели. Сведения о них вы можете найти в Приложении к изданию Гарнье⁵ 1968 года.

– Четыре месяца – срок небольшой. – Корсо задумчиво грыз кончик карандаша. – Дюма писал быстро.

– В ту пору все писали быстро. Стендаль управился с «Пармской обителью» за семь недель. К тому же у Дюма были помощники – «негры», на профессиональном жаргоне. Того, кто работал с ним над «Тремя мушкетерами», звали Огюст Маке... Сотрудничество продолжалось и позже: «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»... А также «Граф Монте-Кристо» и еще несколько романов... Их-то вы, конечно, читали.

– Конечно. Кто их не читал!

– Следует уточнить: ваше «Кто их не читал!» относится ко временам минувшим. – Я почтительно полистал рукопись. – Та эпоха, когда подпись Дюма множила тиражи и обогащала издателей, канула в Лету. Почти все его романы печатались именно так – частями, и внизу последней страницы значилось: «Продолжение в следующем номере». А публика умирала от нетерпения, ожидая новую главу... Но зачем я это

⁵ Французская издательская фирма «Братья Гарнье», основана в 1833 г. Огюстом (1812–1887) и Ипполитом (1815–1911) Гарнье. Большим авторитетом пользовалась серия «Классики Гарнье».

рассказываю? Вы же сами все знаете.

– Не важно. Продолжайте.

– Что еще добавить? Причина успеха традиционного романа с продолжением, иначе говоря – романа-фельетона, проста: герой или героиня обладают такими достоинствами и чертами характера, которые заставляют читателя отождествлять себя с литературным персонажем... Сегодня по тому же принципу строятся телесериалы. Но вообразите, какой эффект в былые времена, когда не знали ни радио, ни телевидения, производили подобные сочинения на обывателей, жадных до неожиданностей и развлечений и весьма нетребовательных в том, что касается художественного качества или хорошего вкуса... Гениальный Дюма все это понял и с хитроумием алхимика сотворил некий лабораторный продукт: капля того, крупица другого – плюс его талант. В итоге получился наркотик, создававший своего рода зависимость. – Я не без гордости ткнул себя пальцем в грудь. – И продолжающий ее создавать...

Корсо что-то записывал. Позднее один его знакомый скажет о нем при случае: такой же обидчивый, непредсказуемый и смертоносный, как черная мамба. У него была особая манера вести беседу – он глядел на тебя сквозь перекошенные очки и медленно кивал в знак согласия, хотя в кивках этих присутствовала и разумная доля здорового сомнения. В такие моменты он напоминал потаскуху, которая снисходительно украшает свой монолог сонетом во славу Купидона.

Он словно давал тебе возможность – пока не поздно – внести коррективы в твои выводы.

Некоторое время спустя он прекратил писать и поднял голову.

– Но ведь вы занимались не только популярными романами. Известны и другие ваши работы... – он помедлил, подыскивая нужное слово, – на более серьезные темы. Ведь и сам Дюма называл свои произведения легкой литературой... Хотя, согласитесь, в таком определении сквозит явное пренебрежение к публике.

Подобный маневр отлично характеризовал моего гостя. Это был один из его коронных приемов – как валет в руках Рокамболя. Он вел игру исподтишка, внешне сохранял нейтралитет, а на самом деле постоянно устраивал изматывающие противника партизанские вылазки. Раздраженный человек может легко проговориться, начинает оправдываться, сыпать аргументами в свою пользу, а это – дополнительная информация. Наверное, именно поэтому – я ведь не вчера родился на свет и тактику Корсо прекрасно понимал – мне стало досадно.

– Вы повторяете избитые вещи, – бросил я, не скрывая раздражения. – Да, в этом жанре было написано много однодневок, но Дюма тут ни при чем... Для литературы время – как для кораблей шторм, и Господь спасает только тех, кого любит; попробуйте назвать других книжных героев, которые, подобно д'Артаньяну и его товарищам, целыми и невре-

димыми прошли сквозь годы. Разве что Шерлок Холмс Конан Дойла... Да, цикл о мушкетерах, вне всякого сомнения, – «роман плаща и шпаги», легкое чтение; так что вы, естественно, обнаружите там все пороки жанра. Но есть и одно отличие: это великие авантюрные романы, книги особого уровня, и потому обычные жанровые критерии к ним применять нельзя. Это рассказ о дружбе, о головокружительных приключениях, и он сохраняет свежесть, несмотря на то что вкусы с тех пор переменялись, несмотря на то что нынче к действию как таковому стали относиться с глупейшим пренебрежением. Кажется, после Джойса мы должны смириться с Молли Блум и забыть о Навсикае – на берегу, после бури...⁶ Вам не доводилось читать мои заметки «Пятница, или Морской компас»?.. Короче, если вести речь об Улиссе, то я выбираю того, которого придумал Гомер.

Тут я чуть повысил голос, зорко следя за реакцией Корсо. Он едва заметно улыбался, но хранил молчание, не желая выдавать свои мысли. Но я-то помнил, какое выражение мелькнуло в его глазах, когда я процитировал «Скарамуша»: путь мною был выбран верный.

– Я понимаю, о чем вы, – наконец выдал он. – Ваша точка зрения, сеньор Балкан, хорошо известна, хотя и не бес-

⁶ *Навсикая* – в греческой мифологии дочь царя феаков Алкиноя и Ареты. Крик Навсикаи, игравшей в мяч на берегу моря, разбудил Одиссея, который был выброшен бурей на остров феаков. Девушка велела слугам дать ему чистые одежды, накормить и напоить, а также объяснила, как достигнуть дворца Алкиноя и добиться от феаков помощи.

спорна.

– Моя точка зрения известна, потому что я сам о том позаботился. А что касается пренебрежения к публике, как вы изволили выразиться, то вам, возможно, неведомо, что автор «Трех мушкетеров» во время революций 1830 и 1848 годов участвовал в уличных боях, а еще переправлял Гарибальди купленное на собственные деньги оружие... Не забывайте, отец Дюма был известным генералом Республики... И писатель не раз доказывал свою любовь к народу и свободе.

– Хотя с историческими фактами он обращался куда как вольно.

– А это разве так уж важно? Знаете, что он отвечал тем, кто говорил, будто он насилует Историю?.. «Я ее насилую, истинная правда. Но я делаю ей очаровательных детишек».

Я положил ручку на стол, поднялся и подошел к одному из книжных шкафов во всю стену моего кабинета. Открыл дверцу и вытащил том в переплете из темной кожи.

– Как и все великие рассказчики, Дюма был вралем. Графиня Даш⁷, хорошо его знавшая, пишет в воспоминаниях, что стоило ему услышать какую-нибудь явно выдуманную историю, как он начинал выдавать небылицу за истинный факт... Возьмем кардинала Ришелье – он был величайшим человеком своего времени, но его облик, пройдя через ловкие руки Дюма, исказился до неузнаваемости, и нам пред-

⁷ Графиня Даш, или Д'Аш – псевдоним французской писательницы Габриэль Анн Систерн де Куртира де Сен-Марс (1804–1872).

стала порочная личность с довольно гнусной и подлой физиономией... – Держа книгу в руках, я повернулся к Корсо. – Известно ли вам вот это? Книгу написал Гасьен де Куртиль де Сандра, мушкетер, живший в конце XVII века. Это мемуары д'Артаньяна, настоящего д'Артаньяна: Шарля де Батц-Кастельморе, графа д'Артаньяна. Он был гасконцем, родился в 1615 году, действительно был мушкетером, хотя жил не в эпоху Ришелье, а при Мазарини. Умер он в 1673-м во время осады Маастрихта – как раз в тот момент, когда должен был, как и его романтический однофамилец, вот-вот получить маршальский жезл... Так что, согласитесь, насилуя Историю, Александр Дюма давал жизнь действительно очаровательным детишкам... Никому не известного гасконца из плоти и крови, чье имя История позабыла, гениальный писатель сумел превратить в героя великой легенды.

Корсо неподвижно сидел в кресле и слушал. Я протянул ему книгу, и он осторожно, однако с большим интересом полистал ее – медленно, едва касаясь самого края страниц подушечками пальцев. Время от времени взгляд его задерживался на каком-нибудь имени или быстро пробежал целую главу. За стеклами очков глаза работали быстро и уверенно. Затем он вдруг отвлекся от книги, чтобы записать в блокнот: «Memoires de M. d'Artagnan, G. de Courtilz, 1704, P. Rouge, 4 тома 12°, 4-е изд.». Потом закрыл книгу и уставился на меня.

– Вы верно сказали: он был вралем.

– Да, – подтвердил я, возвращаясь на место и усажива-

ьясь. – Но вралем гениальным. Где другие ограничились бы плагиатом, он выстроил целый мир, и мир этот стоит до сей поры... «Человек не крадет, он завоевывает, – любил повторять Дюма. – Каждую завоеванную провинцию он присоединяет к своей империи: навязывает ей свои законы, населяет темами и персонажами, распространяет там свое влияние...» В данном случае история Франции стала для него золотой жилой. Он проделал неслыханный трюк: почтительно сохранил раму и подменил саму картину – то есть без малейших колебаний разграбил открытую им сокровищницу... Главных действующих лиц Дюма превращает во второстепенных, скромных статистов – в героев первого плана, много страниц отдает описанию событий, которым в исторических хрониках посвящена пара строк... Никакого договора о дружбе д'Артаньян и его товарищи никогда не заключали – хотя бы потому, что друг друга не знали... Не было никакого графа де Ла Фер. Вернее, их было много, но ни один не носил имени Атос. Правда, Атос существовал, и звали его Арман де Силлек д'Атос, а умер он от раны, полученной на дуэли, еще до того, как д'Артаньян вступил в ряды королевских мушкетеров... Арамис – это Анри де Арамитц, дворянин, светский аббат в сенешальстве Олорон, зачисленный в 1640 году в мушкетерскую роту, которой командовал его дядя. В конце жизни он удалился в свои владения вместе с женой и четырьмя детьми. Что касается Портоса...

– Вы хотите сказать, что был и некий Портос?

– Был. Звали его Исаак де Порто, и он не мог не знать Арамиса, или Арамитца, потому что стал мушкетером всего на три года позже, чем тот, – в 1643-м. Известно только, что умер он до срока, и, наверное, причиной тому стали болезнь, война или дуэль, как у Атоса.

Корсо слушал, постукивая пальцами по «Мемуарам д'Артаньяна», потом тряхнул головой и улыбнулся:

– Ну а теперь вы скажете, что существовала и некая миледи...

– Именно. Но звали ее вовсе не Анна де Бейль, и она не была леди Винтер. И на плече у нее не было никакой лилии, хотя агентом Ришелье она и в самом деле являлась. Да, некая графиня де Карлейль и вправду украла на балу алмазные подвески у герцога Бекингэма. И не смотрите на меня так! Об этом рассказал в своих «Мемуарах» Ларошфуко⁸. А Ларошфуко слыл человеком очень серьезным и заслуживающим доверия.

Корсо глядел на меня во все глаза. Он был не из тех, кого можно легко чем-то поразить, особенно когда речь шла о книгах, но услышанное явно ошеломило его. Позднее, узнав Корсо лучше, я задумался: а было ли его тогдашнее изумление искренним, или он пустил в ход очередной профессиональный трюк, разыграл передо мной хитроумную комедию?

⁸ Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) – французский писатель. В его «Мемуарах» (1662, полное издание 1817) упоминается о том, как графиня Люси Карлейль (дочь графа Генри Нортумберлендского) на балу срезала алмазные подвески у герцога Бекингэма (гл. I).

Теперь, после того как все закончилось, у меня не осталось и тени сомнения: я был для Корсо источником информации, и он меня обрабатывал.

– Все это очень интересно, – сказал он.

– Если вы отправитесь в Париж, Репленже расскажет вам гораздо больше моего. – Я глянул на рукопись, все еще лежащую на столе. – Хотя я не уверен, что расходы на поездку оправдают себя... Сколько может стоить эта глава при нынешних ценах?

Он снова принялся грызть ластик на конце карандаша, изображая скептицизм.

– Немного. На самом деле я туда поеду по другому делу.

Я грустно и понимающе улыбнулся. Ведь все, чем владею я сам, вся моя скудная собственность – «Дон Кихот» Ибарры⁹ и «фольксваген». Надо ли пояснять, что автомобиль обошелся мне дороже книги.

– Догадываюсь, о чем речь, – сказал я.

Корсо скорчил гримасу – что-то вроде кислого смирения, – и при этом стали видны его кроличьи зубы.

– Да, и так будет продолжаться до тех пор, пока Ван Гог и Пикассо не встанут у японцев поперек горла, – заметил он. – Тогда они начнут вкладывать деньги исключительно в редкие книги.

⁹ Хоакин Ибарра-и-Марин (1725–1785) – испанский издатель; в 1779 г. получил титул Издателя Королевской испанской академии. Известны два его издания «Дон Кихота» (1780 и 1782).

Я вспыхнул от негодования и откинулся на спинку стула:

– Спаси нас от такого Господь.

– Это ваша точка зрения, сеньор Балкан. – Он лукаво смотрел на меня сквозь перекошенные очки. – А вот я надеюсь на этом хорошо подзаработать.

Он сунул блокнот в карман плаща и поднялся, повесив холщовую сумку на плечо. И я еще раз подивился его показной незащитности, его вечно сползающим на нос очкам. Потом я узнал, что он жил один, в окружении своих и чужих книг, и был не только наемным охотником за библиографическими редкостями. Еще он любил игры по моделированию Наполеоновских войн – мог, например, по памяти восстановить точный ход какой-нибудь битвы, случившейся накануне Ватерлоо. Была на его счету и какая-то любовная история, довольно странная, но подробности я узнал лишь много позже. И тут я хотел бы кое-что пояснить. По тому, как я описал Корсо, может сложиться впечатление, будто он безнадежно лишен каких-либо привлекательных черт. Но я, рассказывая всю эту историю, стремлюсь быть прежде всего честным и объективным, поэтому должен признать: даже в самой нелепости его внешнего облика, именно в той неуклюжести, которая – уж не знаю, как он этого добивался, – могла быть разом злобной и незащитной, наивной и агрессивной, крылось то, что женщины называют «обаянием», а мужчины – «симпатией». Да, он мог произвести благоприятное впечатление, но оно улетучивалось, стоило вам сунуть руку в кар-

ман и обнаружить, что кошелька-то и след простыл.

Корсо убрал рукопись в сумку, и я проводил его до дверей. В вестибюле он остановился, чтобы пожать мне руку. Здесь висели портреты Стендаля, Конрада и Валье-Инклана, а рядом – отвратительная литография, которую несколько месяцев назад жильцы нашего дома общим решением – при одном голосе «против» (моем, разумеется) – постановили для украшения повесить на стену.

И тут я рискнул задать ему вопрос:

– Честно признаюсь, меня мучает любопытство – а где все-таки отыскалась эта глава?

Он замер в нерешительности: вне всякого сомнения, прежде чем ответить, быстро взвешивал все «за» и «против». Но ведь я оказал ему самый любезный прием, и теперь он попал в разряд моих должников. К тому же я мог снова ему понадобиться, так что выбора у него не было.

– Вы знали некоего Тайллефера? Это у него мой клиент купил рукопись.

Я не сдержал возгласа изумления:

– Энрике Тайллефер?.. Издатель?

Взгляд Корсо рассеянно блуждал по вестибюлю. Наконец он мотнул головой – сверху вниз:

– Он самый.

Мы оба замолчали. Корсо пожал плечами, и мне было понятно почему. Объяснение легко было отыскать в любой газете, в разделе криминальной хроники: ровно неделю назад

Энрике Тайллефера нашли повесившимся в гостиной собственного дома на поясе от шелкового халата, а прямо под его ногами лежала открытая книга и валялись осколки фарфоровой вазы.

Много позже, когда история эта закончилась, Корсо согласился рассказать мне, как все развивалось дальше. Так что я теперь могу относительно точно восстановить даже те события, свидетелем которых не был, – цепочку обстоятельств, что привела к роковой развязке и раскрытию тайны Клуба Дюма. Благодаря позднейшим откровениям охотника за книгами я могу сыграть в этой истории роль доктора Ватсона и сообщить вам, что следующий акт драмы начался через час после нашей с Корсо встречи – в баре Макаровой.

Флавио Ла Понте стряхнул капли дождя с одежды, устроился у стойки рядом с Корсо и тотчас заказал рюмку каньи. Потом сердито, но не без тайного удовольствия глянул на улицу, словно ему только что пришлось пересечь открытую местность под прицельным огнем снайперов. Дождь лил с библейской неукротимостью.

– Так вот, коммерческие фирмы «Арменгол и сыновья», «Старые книги» и «Библиографические редкости» намерены подать на тебя в суд, – сказал он и погладил рыжую кудрявую бороду, потом вытер пивную пену вокруг рта. – Только что звонил их адвокат.

– В чем меня обвиняют? – спросил Корсо.

– В том, что ты обманул некую старушку и разграбил ее

библиотеку. Они клянутся, что по поводу тех книг у них была с ней железная договоренность.

– Спать надо меньше...

– Я им сказал то же самое, но они рвут и мечут. Еще бы...

Явились за своей долей, а «Персилес» и «Королевское право Кастильи»¹⁰ уже уплыли. К тому же ты научил ее, какие цены запросить за оставшиеся книги, – и цены сильно завысил. Теперь владелица отказывается им хоть что-нибудь продать. Заламывает вдвое против того, что они предлагают... – Он глотнул пива и весело подмигнул Корсо. – Заклепать библиотеку – вот как называется эта красивая комбинация.

– Это ты мне будешь объяснять, как она называется? – Корсо зло ухмыльнулся, показав клыки. – А уж «Арменголу и сыновьям» это известно не хуже моего.

– Эх, жестокий ты человек, – бесстрастно припечатал Ла Понте. – Но больше всего им жаль «Королевского права». Они говорят, что ты нанес им удар ниже пояса.

– А я, разумеется, просто обязан был оставить книгу для них... И привязать к ней бантик! Как же! С латинской глоссой Диаса де Монтальво!..¹¹ На книге нет типографской мар-

¹⁰ «Странствия Персилеса и Сихизмунды» – роман Мигеля Сервантеса де Саведры; отпечатан 15 декабря 1616 г.; 2 апреля 1617 г. издатель Хуан де ла Куэста передал два экземпляра в Братство издателей Мадрида. «Королевское право Кастильи» – свод законов, подготовленный приблизительно в 1255 г., во времена правления короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого (1221–1284).

¹¹ Алонсо Диас де Монтальво (ум. после 1492) – испанский юрист, занимал важные посты при дворе королей Хуана II и Энрике IV, автор глосс к «Королев-

ки, но напечатана она точно в Севилье, у Алонсо дель Пуэрто, предположительно в 1482 году... – Он подправил очки указательным пальцем и глянул на приятеля. – Смекаешь?

– Я-то смекаю. А они почему-то очень нервничают.

– Пусть пьют липовый чай – помогает.

В такие вот предобеденные часы бар всегда бывал полон и посетители стояли у стойки плечом к плечу, стараясь не угодить локтем в лужицы пены. Шум голосов и клубы сигаретного дыма дополняли картину.

– И думается мне, – добавил Ла Понте, – что «Персилес» – то этот самый – первое издание. Переплетная мастерская Трауца-Бозонне, там их марка.

Корсо покачал головой:

– Нет, Харди. Сафьян.

– Показал бы? Но учти, я им поклялся, что ни сном ни духом о твоих делах не ведаю. Ты ведь знаешь: у меня аллергия на любые судебные разбирательства.

– А на свои тридцать процентов?

Ла Понте, словно защищая собственное достоинство, поднял руку:

– Стоп! Не путай божий дар с яичницей, Корсо. Одно дело – наша прекрасная дружба, другое – хлеб насущный для моих детишек.

– Нет у тебя никаких детишек!

Ла Понте скорчил смешную рожу:

– Подожди! Я еще молодой.

Он был невысок, красив, опрятно одет и знал себе цену. Пригладив ладонью редкие волосы на макушке, он глянул в зеркало над стойкой, чтобы проверить результат. Потом побродил вокруг наметанным глазом: нет ли случайно поблизости представительниц женского пола. Бдительности он не терял нигде и никогда. А еще он имел привычку строить беседу на коротких фразах. Его отец, очень знающий букинист, обучал его писать, диктуя тексты Асорина¹². Теперь уже мало кто помнил, кто такой Асорин, а вот Ла Понте до сих пор старался кроить предложения на его манер – чтобы они получались емкими и логичными, накрепко сцепленными меж собой. И это помогало ему обрести диалектическую устойчивость, когда приходилось уговаривать клиентов, заманив их в комнату за книжной лавкой на улице Майор, где он хранил эротическую классику.

– Кроме того, – продолжил он, возвращаясь к изначальной теме разговора, – у меня с «Арменголом и сыновьями» есть незавершенные дела. И весьма щекотливого свойства. К тому же сулящие верный доход в самые короткие сроки.

– Но со мной-то у тебя тоже есть дела, – вставил Корсо, глядя на него поверх пивной кружки. – И ты – единственный бедный букинист, с которым я работаю. Так что те самые книги продать предстоит именно тебе.

¹² *Асорин* (Хосе Мартинес-Руис, 1873–1967) – испанский писатель и литературный критик.

– Ладно. – Ла Понте легко пошел на попятную. – Ты же знаешь, я человек практичный. Прагматик. Приспособленец – низкий и подлый приспособленец.

– Знаю.

– Вообрази себе, что мы с тобой – герои фильма, вестерна. Так вот, самое большое, на что я согласился бы – даже ради дружбы, – это получить пулю в плечо.

– Да, самое большое, – подтвердил Корсо.

– Но это к делу не относится. – Ла Понте рассеянно покрутил головой по сторонам. – У меня есть покупатель на «Персилеса».

– Тогда ты угощаешь. Закажи мне еще одну каню. В счет твоих комиссионных.

Они были старыми друзьями. Любили пиво с высокой крепкой пеной и джин «Болс», разлитый в морские бутылки из темной глины; но больше всего они любили антикварные книги и аукционы в старом Мадриде. Они познакомились много лет назад, когда Корсо шнырял по книжным лавкам, которые специализировались на испанских авторах, – выполнял заказ одного клиента, пожелавшего заполучить экземпляр-призрак – «Селестину», ту, что, по слухам, успела выйти еще до всем известного издания 1499 года¹³. У Ла Понте этой книги не было, и он о ней даже не слышал. Зато

¹³ «Селестина» («Трагикомедия о Калисто и Мелибее») Фернандо де Рохаса (ок. 1465–1541). Предполагаемая дата написания «Селестины» – 1492 г. (но не позднее 1497-го); многие исследователи считают, что известное издание 1499 г. (Бургос) не было первым.

у него имелся «Словарь библиографических редкостей и чудес» Хулио Ольеро, где та «Селестина» упоминалась. Во время беседы о книгах между ними вспыхнула взаимная симпатия. Она заметно укрепилась, после того как Ла Понте повесил на дверь лавки замок и оба они двинули в бар Макаровой, где и начались взаимные излияния: они всласть наговорились о хромолитаграфиях Мелвилла, ведь юный Ла Понте воспитывался на борту его «Пекода», а не только с помощью пассажей из Асорина. «Зовите меня Измаил»¹⁴, – предложил он, покончив с третьей рюмкой чистого «Болса». И Корсо стал звать его Измаилом, а еще в его честь процитировал по памяти отрывок, где выковывают гарпун Ахава:

Были сделаны три надреза в языческой плоти, и так был закален гарпун для Белого Кита...

Начало дружбы было должным образом обмыто, так что Ла Понте в конце концов даже перестал глазеть на девиц, которые входили и выходили, и поклялся Корсо в вечной преданности. По натуре Ла Понте был человеком слегка наивным, несмотря на весь свой напускной цинизм и подлое ремесло торговца старыми книгами, и не смекнул, что новый друг в перекошенных очках еще там, в лавке, едва бросив взгляд на книжные шкафы, принялся обрабатывать его по всем правилам военного искусства. Корсо сразу приметил пару томов, о которых и хотел теперь потолковать. Но,

¹⁴ Здесь и далее роман Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» цитируется в переводе И. М. Бернштейн.

честно сказать, Ла Понте со своей рыжей бородкой, кротким, как у Билли Бада¹⁵, взглядом и несбывшимися мечтами стать китобоем в конце концов завоевал симпатию Корсо. К тому же он мог процитировать наизусть полный список членов экипажа «Пекода»: Ахав, Стабб, Старбек, Фласк, Перт, Квикег, Тэштиго, Дэггу... названия всех кораблей, упомянутых в «Моби Дике»: «Гоуни», «Таун-Хо», «Иеровоам», «Юнгфрау», «Розовый бутон», «Холостяк», «Восхитительный», «Рахиль»... – и прекрасно знал – а это было высшим пилотажем, – что такое серая амбра. Они болтали о книгах и китах. Так что в ту ночь и было основано Братство гарпунеров Нантакета, Флавио Ла Понте стал его генеральным секретарем, Лукас Корсо – казначеем, и оба – единственными членами сообщества. Доброй матерью-покровительницей сделали Макарову – она даже не взяла с них денег за последнюю рюмку, а перед закрытием примкнула к их компании, и они вместе расправились с бутылкой джина.

– Я еду в Париж, – сообщил Корсо, разглядывая в зеркале толстуху, которая каждые пятнадцать секунд совала монетку в щель игрального автомата, словно ее загипнотизировали незамысловатая музыка и мелькание цветной рекламы, фрукты и звоночки, так что двигаться могла только сжимающая рычаг рука – и так до скончания века. – Там заодно займись и твоим «Анжуйским вином».

¹⁵ *Билли Бад* – герой морской повести Германа Мелвилла «Билли Бад, формарсовый матрос» (опубл. 1924).

Приятель сморщил нос и глянул на него настороженно. Париж – дополнительные расходы, новые сложности, а Ла Понте был книготорговцем скромным и очень скупым.

– Ты же знаешь, я не могу себе такое позволить – мне это не по карману.

Корсо медленно допивал пиво.

– Очень даже можешь. – Он достал несколько монет, чтобы заплатить и за себя, и за приятеля. – Я еду совсем по другому делу.

– По другому делу? – повторил Ла Понте с явным интересом.

Макарова поставила на стойку еще две кружки. Это была крупная светловолосая сорокалетняя женщина, коротко подстриженная, с серьгой в одном ухе – память о той поре, когда она плавала на русском рыболовном судне. Одета она была в узкие брюки и рубашку с закатанными почти до плеч рукавами, которые открывали на редкость крепкие бицепсы. Хотя не только они придавали ей сходство с мужчиной – в углу рта у нее вечно дымилась сигарета. Ее легко принимали за уроженку Балтики, но всем обликом, и особенно – грубоватыми манерами, она скорее напоминала слесаря-наладчика с какого-нибудь ленинградского завода.

– Прочла я вашу книгу, – сказала она Корсо, раскатывая букву «р». При этом пепел от сигареты сыпался на мокрую рубашку. – Эта Бовари... просто несчастная идиотка.

– Рад, что ты сразу ухватила суть дела.

Макарова протерла стойку тряпкой. С другого конца зала из-за кассы за ней наблюдала Зизи – полная противоположность Макаровой: гораздо моложе, миниатюрная и очень ревнивая. Случалось, перед самым закрытием они в подпитии начинали драться на глазах у последних клиентов – правда, те, как правило, были своими людьми. Однажды после такой потасовки Зизи, с лиловым синяком под глазом, разъяренная и жаждущая мести, решила хлопнуть дверью. И пока она не вернулась через три дня, Макарова не переставала лить слезы, которые капали и капали в кружки с пивом. В ночь примирения заведение закрылось раньше обычного, и можно было видеть, как они куда-то отправились, обняв друг дружку за талию и целуясь в подворотнях, словно юные влюбленные.

– Он едет в Париж, – Ла Понте кивнул на Корсо. – Хочет ухватить удачу за хвост. У него в рукаве спрятан туз.

Макарова собирала пустые стаканы и глядела на Корсо сквозь дым своей сигареты.

– Да у него вечно что-нибудь припрятано, – гортанно произнесла она, не выказав ни малейшего удивления. – То в одном месте, то в другом.

Потом она составила стаканы в раковину и, поигрывая квадратными плечами, пошла обслуживать других клиентов. Макарова глубоко презирала представителей противоположного пола и исключение делала разве что для Корсо, о чем и сообщала во всеуслышанье, объясняя, почему не бе-

рет с него деньги за последнюю рюмку. Даже Зизи относилась к нему вполне терпимо. Однажды Макарову арестовали за то, что она во время демонстрации геев и лесбиянок разбила морду полицейскому, и Зизи всю ночь просидела на скамейке перед полицейским управлением. Корсо принес ей бутерброды и бутылку джина, потом переговорил со своими знакомыми из этого заведения, и они помогли замять дело. Зато у Ла Понте все это вызывало нелепую ревность.

– Почему в Париж? – спросил он рассеянно, ибо внимание его было поглощено другим. Левый локоть Ла Понте погрузился во что-то восхитительно мягкое и податливое. И он, разумеется, пришел в полный восторг, обнаружив, что его соседкой по стойке оказалась юная блондинка с пышной грудью.

Корсо глотнул пива.

– Я заеду еще и в Синтру, это в Португалии. – Он продолжал наблюдать за толстухой у игрального автомата. Просадив всю мелочь, та протянула Зизи купюру для размена. – Теперь я работаю на Варо Борху.

Его друг присвистнул: Варо Борха – самый крупный библиофил в стране. В его каталог попадало совсем немного книг, но только самые лучшие; и еще про него шла слава, что если он хотел что-либо заполучить, то за ценой не стоял. Ла Понте, на которого новость произвела заметное впечатление, потребовал еще пива и новых подробностей. При этом в лице его мелькнуло что-то хищное – как всегда, сто-

ило ему услышать слово «книга». Ла Понте был, конечно, человеком очень прижимистым и откровенно малодушным, но в завистливости его никто не посмел бы упрекнуть, если только дело не касалось красивой женщины, которую можно загарпунить. В профессиональном плане сам он вполне довольствовался добытыми без особого риска качественными экземплярами и искренне уважал друга; тот работал с клиентами совсем иного полета.

– Ты когда-нибудь слышал о «Девяти вратах»?

Букинист, который начал было неспешно шарить по карманам, словно давая Корсо время заплатить и за эту выпивку, так и застыл с открытым ртом. И даже на миг позабыл о своей пышнотелой соседке, которую как раз намеревался рассмотреть получше.

– Ты хочешь сказать, что Варо Борха хочет заполучить эту книгу?

Корсо кинул на прилавок последние монеты, завалившись в кармане. Макарова налила друзьям еще по рюмке.

– Уже заполучил. И заплатил за нее целое состояние.

– Еще бы! Сохранилось только три или четыре экземпляра.

– Три, – уточнил Корсо. – Один находится в Синтре, в коллекции Фаргаша. Второй в фонде Унгерна в Париже. А третий попал на мадридский аукцион, когда продавали библиотеку Терраля-Коя. Его-то и купил Варо Борха.

Ла Понте, сгорая от любопытства, теребил свою курчавую

бородку. Он, конечно же, слышал о Фаргаше, португальском библиофиле. Что касается баронессы Унгерн, то эта безумная старуха заработала миллионы, сочиняя книжки по оккультизму и демонологии. Ее последний шедевр «Нагая Исида» побил все рекорды продаж.

– Одного не пойму, – спросил, помолчав, Ла Понте. – Ты то какое отношение имеешь ко всему этому?

– А тебе известна история книги?

– Только в общих чертах, – признался Ла Понте.

Корсо обмакнул палец в пивную пену и принялся что-то рисовать на мраморной столешнице.

– Время действия – середина XVII века. Место действия – Венеция. Главный персонаж – печатник по имени Аристид Торкья, которому приходит в голову мысль издать так называемую «Книгу о Девяти вратах в Царство теней», что-то вроде учебного пособия, как вызывать дьявола... Но времена стояли не самые благоприятные для литературы подобного рода, и святая инквизиция быстренько заполучила Торкью в свои руки. Состав преступления – сношения с дьяволом и так далее. Отягчающее обстоятельство – воспроизведение девяти гравюр из знаменитого «Деломеланикона» – классики чернокнижия. Замечу, что, согласно легенде, автором гравюр считался сам Люцифер.

Макарова тоже остановилась у стойки – только с другой стороны – и, вытирая руки о рубашку, внимательно слушала. Ла Понте так и не донес стакан до губ: он с алчным профес-

сиональным интересом ловил каждое слово.

– А что стало с книгами?

– Нетрудно догадаться: костер из них получился знатный. – Корсо изобразил на лице жестокое ликование; казалось, он воистину сожалеет, что не присутствовал при расправе. – А еще рассказывали, что из огня доносились крики дьявола.

Макарова недоверчиво фыркнула и замерла, потом облокотилась на стойку рядом с краном для пива. Все эти средиземноморские суеверия, темные истории... Гордый северный нрав и мужской характер не позволяли ей опуститься до такого... Более впечатлительному Ла Понте вдруг очень захотелось пить, и он сунул нос в кружку.

– Если там кто и кричал, так это сам печатник...

– Можно себе представить.

Ла Понте представил – и содрогнулся.

– Под пытками, – продолжил Корсо, – а в инквизиции служили профессионалы, полагавшие делом чести дать достойный отпор любым козням врага рода человеческого, – печатник признался, что уцелел еще один экземпляр книги, единственный, и хранится он в тайнике. После чего несчастный замолк и рта больше не раскрыл, если не считать предсмертного «ох!» – на костре.

Макарова презрительно улыбнулась. Непонятно, относилось ее презрение к несчастному печатнику или к палачам, так и не сумевшим вырвать у него последнее признание.

Ла Понте наморщил лоб:

– Подожди, ты сказал, что уцелел всего один экземпляр.

Но ведь только что мы вели речь о трех книгах.

Корсо снял очки и проверил на свет чистоту стекол.

– Тут и зарыта собака, – сказал он. – Войны, пожары, кражи... Книги то появлялись, то вновь исчезали. Теперь никто не знает, какая из них подлинная.

– А может, они все три поддельные, – с присущим ей здравомыслием изрекла Макарова.

– Может, и так. Вот мне и предстоит разгадать загадку, проверить, купил Варо Борха подлинник или ему всучили фальшивку. Для этого я еду в Синтру и Париж. – Он надел очки и взглянул на Ла Понте. – А между делом займусь и твоей рукописью.

Букинист отрешенно кивнул, продолжая краем глаза следить в зеркале за девицей с роскошным бюстом.

– Но раз у тебя такое важное дело... смешно тратить время еще и на «Трех мушкетеров»...

– Смешно? – Привычное хладнокровие покинуло Макарову, и она буквально взорвалась: – Да это лучший роман на свете!

И в подкрепление своих слов хлопнула ладонью по прилавку. При этом стало видно, как напряглись мышцы на обнаженной руке. Борису Балкану – вот кому было бы приятно услышать такое, подумал Корсо. У Макаровой в личном списке бестселлеров Дюма мог соперничать лишь с «Войной

и миром» и шедеврами Патрисии Хайсмит¹⁶.

– Успокойся ты, – повернулся Корсо к Ла Понте. – Платить за все придется Варо Борхе. Хотя, на мой взгляд, твое «Анжуйское вино» – подлинник... Ну скажи, кому придет в голову подделывать такое?

– Люди за все берутся, – сделала бесконечно мудрый вывод Макарова.

Ла Понте разделял мнение Корсо: в данном случае мошенничество выглядело бы полной нелепостью. Покойный Тайллефер гарантировал подлинность: то, несомненно, была рука дона Александра. А Тайллефер слов на ветер не бросал.

– Обычно я относил ему старые приключенческие романы, и он покупал всё подряд. – Ла Понте сделал глоток и хихикнул. – А я пользовался случаем, чтобы полюбоваться на ножки его жены. Роковая блондинка! Очень эффектная! И вот однажды он открыл какой-то ящик. Затем положил на стол главу «Анжуйское вино». «Это вам, – неожиданно сказал он. – При условии, что вы получите экспертное заключение о подлинности и немедленно выставите рукопись на продажу...»

Какой-то клиент громко требовал у Макаровой безалкогольного биттера. Та послала его к черту. Она словно приросла к стойке и слушала разговор, щуря глаза от дыма. Сигарета, как всегда, была зажата у нее в углу рта и уже дого-

¹⁶ Патрисия Хайсмит (1921–1995) – американская писательница, автор детективных романов.

рала.

– И это все? – спросил Корсо.

Ла Понте сделал неопределенный жест.

– Практически все. Я попытался отговорить его, поскольку знал, как он к этому относится, – душу готов заложить ради какой-нибудь редкости. Но он стоял на своем: «Откажетесь вы, найду другого». Этим он, разумеется, задел меня за живое. Я имею в виду живую коммерческую жилку.

– Мог бы не уточнять, – бросил Корсо. – Больше ничего живого в тебе не осталось – никаких других жилок.

В поисках человеческого тепла и сочувствия Ла Понте повернулся к Макаровой, но в ее свинцовых глазах тепла нашлось не больше, чем в норвежском фьорде в три часа поутру.

– Как славно чувствовать себя всеми любимым, – огрызнулся он с досадой и отчаянием.

– А вон тот любитель биттера, видать, умирает от жажды, – заметил Корсо. – Опять орет.

Макарова метнула короткий взгляд на клиента и предложила ему отправиться в другой бар, пока не получил в глаз. И упрямый тип, чуть поразмыслив, счел за лучшее внять ее совету.

– Энрике Тайллефер был человеком странным. – Ла Понте снова пригладил волосы на облысевшей макушке и при этом не спускал глаз с отражения пухлой блондинки в зеркале. – Он желал, чтобы я не только продал рукопись, но еще

и поднял вокруг нее побольше шума. – Флавио понизил голос, чтобы не спугнуть свою блондинку: – «Кое для кого это окажется сюрпризом», – сказал он мне. И подмигнул, будто собирался от души развлечься. А через четыре дня его нашли мертвым.

– Мертвым, – глухо повторила Макарова, как будто пробуя слово на вкус. Эта история все больше захватывала ее.

– Самоубийство, – пояснил Корсо.

Но она пожала плечами, словно не видела большой разницы между самоубийством и убийством. В наличии были и сомнительный манускрипт, и несомненный покойник – достаточно для самого острого сюжета.

Услышав слово «самоубийство», Ла Понте мрачно кивнул:

– Да, так говорят.

– А ты что, не веришь?

– Как тебе сказать... Все очень странно. – Он снова наморщил лоб, помрачнел и даже забыл о зеркале. – Мне все это не нравится. Что-то здесь не так.

– А Тайллефер никогда не рассказывал тебе, как попала к нему рукопись?

– Понимаешь, сразу я не спросил. А потом было уже поздно.

– А со вдовой ты говорил?

От приятного воспоминания лоб букиниста тотчас разгладился, губы расплылись в улыбке.

– Эту историю я тебе непременно расскажу, – произнес он тоном человека, вспомнившего замечательную шутку. – Так что гонорар за труды получишь, так сказать, натурой. Я ведь не могу предложить тебе и десятой доли того, что ты зарабатываешь у Варо Борхи за эту самую «Книгу девяти хохм и надувательств».

– Ладно, я заплачу тебе тем же – подожду, пока ты отыщешь Одюбона¹⁷ и станешь миллионером. Тогда и сквитаемся.

Ла Понте снова изобразил смертельную обиду. «Что-то этот прожженный циник за рюмкой делается слишком чувствительным», – подумал Корсо.

– Я полагал, ты помогаешь мне по-дружески. Ну... Клуб гарпунеров Нантакета... Потому я и позволил себе...

– Дружба... – Корсо покрутил головой по сторонам, словно ожидая, что кто-нибудь объяснит ему значение этого слова. – Самые закадычные наши друзья – в барах и на кладбищах...

– Ты хоть раз сделал что-нибудь для других просто так, черт тебя возьми?

– Только для себя, – вздохнула Макарова. – Корсо всегда блюдет свои интересы.

Но в этот миг Ла Понте, к величайшему для себя огор-

¹⁷ *Джон Джеймс Одюбон* (1785–1851) – американский художник, натуралист-орнитолог, издатель. Учился рисованию у Ж.-Л. Давида. Знамениты его роскошные фолианты «Птицы Америки», т. 1–4, Лондон, 1829–1839; 2-е изд., Нью-Йорк, 1830–1844 и 1863; 448 таблиц и 1065 рисунков.

чению, увидал, как девица с пышным бюстом покидает бар, взяв под руку элегантно одетого субъекта с франтоватой походкой. Корсо продолжал смотреть на толстуху у игрального автомата. Она истратила последнюю монету и теперь сидела перед машиной, уронив длинные руки вдоль тела, растерянная и опустошенная. У рычагов и кнопок ее сменил высокий смуглый субъект; у него были густые черные усы и шрам на лице. В Корсо пробудилось какое-то смутное и неуловимое воспоминание, но оно быстро растаяло, так и не оформившись в конкретный образ. К изумлению толстухи, автомат едва успевал выплевывать выигранные им монеты.

Макарова налила Корсо кружку пива за счет заведения, и на сей раз Ла Понте пришлось-таки самому заплатить за себя.

Глава 2. Рука покойника

Миледи улыбалась, и д'Артаньян чувствовал, что он готов погубить свою душу ради этой улыбки.

А. Дюма. Три мушкетера

Бывают вдовы безутешные, а бывают такие, которых с радостью вызовется утешить любой мужчина. Лиана Тайллефер, без всякого сомнения, относилась ко второй категории – высокая блондинка, светлокожая, с ленивой, томной повадкой. Пока такая женщина вытащит сигарету и выпустит первое колечко дыма, пройдет вечность, и все это время она будет со спокойным достоинством смотреть в глаза сидящему напротив кавалеру. Надо заметить, что Лиане Тайллефер уверенность в себе придавали внешнее сходство с Ким Новак, пышные формы – пожалуй, даже слишком пышные – и банковский счет. Ведь она стала единственной наследницей покойного издателя Тайллефера, а применительно к этой фирме слово «платежеспособная» звучит скромным эвфемизмом. Удивительно, сколько денег можно заработать, издавая книги по кулинарии. Например, «Тысяча лучших десертов Ла-Манчи». Или, скажем, классика: «Секреты барбекю» – пятнадцать мгновенно разлетевшихся переизданий.

Квартира вдовы располагалась в старинном дворце – ко-

гда-то он принадлежал маркизу де лос Алумбрес, потом дворец реконструировали и устроили в нем роскошные апартаменты. Что касается убранства жилища, то хозяева, очевидно, принадлежали к тем, кто готов из кожи вон лезть, лишь бы придумать что-нибудь особенное, имея при этом мало времени и много денег. Чем иначе объяснишь, что рядом с фарфором из Льядро – девочки с гусем, бесстрастно отметил Лукас Корсо – на той же полке располагались саксонские пастушки, ради которых любой шустрый антиквар душу бы вытряс и из ныне покойного Энрике Тайллефера, и из его супруги. Тут же стояли секретер, разумеется – в стиле бидермейер, и рояль «Стейнвуд», а на полу лежал очень дорогой восточный ковер. Лиана Тайллефер сидела на белом кожаном диване, скрестив великолепные точеные ноги. При этом черная юбка, как того и требовал траур, открывала их всего на пядь выше колен. Поза вдовы позволяла угадать и те линии, что, скрываясь под юбкой, поднимались вверх – «к тени и тайне», как выразился позднее Лукас Корсо, вспоминая свой визит. Добавим, что комментарием его пренебрегать не следует, потому что Корсо только производил впечатление недотепы: так и представляешь себе, как он живет со старушкой-мамой, которая вечно вяжет чулок, а по воскресеньям подает сынку в постель чашку горячего шоколада. Именно таких сыновей нам случалось видеть в кино; обычно они одиноко бредут за гробом – под дождем, с красными от слез глазами – и шепчут с беззащитной сиротской тоской

одно только слово: «Мама!» Но Корсо никогда не был беззащитным. Да и матери у него давно нет. И, узнав его получше, ты невольно задавался вопросом: а была ли у него вообще когда-нибудь мать?

– Простите, что я вынужден побеспокоить вас в подобных обстоятельствах, – сказал Корсо.

Он сидел перед вдовой, не сняв плаща и поставив холщовую сумку на колени. Сидел напряженно, на самом краешке стула. Тем временем глаза Лианы Тайллефер – серо-голубые, большие и холодные – самоуверенно его изучали, словно она пыталась определить, к какой из известных ей разновидностей мужчин принадлежит сей экземпляр. Он прекрасно знал, что она столкнулась с непростой задачей, и покорно позволил себя разглядывать, хотя постарался не дать ей возможности сделать определенные выводы. В таких делах он был докой и сразу увидел, что на фондовой бирже «Тайллефер S. A., вдова» его акции начали резко падать, так что он мог рассчитывать не более чем на пренебрежительное любопытство. Добавим, что ему пришлось уже десять минут прождать в холле после стычки со служанкой, которая приняла его за назойливого торговца и хотела выставить вон. Но теперь вдова то и дело бросала взгляды на папку, извлеченную им из сумки, и ситуация медленно менялась. Он, в свою очередь, старался стойко выдерживать взгляд Лианы Тайллефер и не угодить в клокочущий водоворот – то есть проплыть между Сциллой и Харибдой (Корсо был человеком начитан-

ным). При этом он увидел перед собой весьма своеобразную карту: юг – ноги и талия вдовы, север – бюст, «пышный» или что-то в этом роде, к тому же сногшибательно обтянутый черным свитером из ангорской шерсти.

– Я был бы очень признателен, – обратился он наконец к хозяйке дома, – если бы вы сообщили, знали вы или нет о существовании этой рукописи.

Он протянул ей папку и при этом невольно коснулся пальцев с длинными ногтями, покрытыми кроваво-красным лаком. Или это ее пальцы коснулись его руки? В любом случае едва заметное касание свидетельствовало: акции Корсо взлетели вверх. Он даже поспешил изобразить приличное ситуации смущение и нервно взъерошил волосы надо лбом так, чтобы этот неуклюжий жест показал ей: ему не часто приходится докучать красивым вдовам. Теперь голубовато-стальные глаза смотрели не на папку, а на него, и в них вспыхнула искра интереса.

– Откуда же? – спросила вдова.

Голос у нее был низкий и чуть хриловатый, словно после дурно проведенной ночи. Она все еще не давала воли любопытству и папку не открывала, будто ожидая от Корсо чего-то еще. Но он лишь поправил очки и соорудил серьезную, соответствующую обстоятельствам мину. До сих пор шла официальная часть визита, так что свою коронную улыбку – улыбку честного кролика – он приберегал для более подходящего момента.

– До недавнего времени рукопись принадлежала вашему мужу. – Тут он запнулся, но потом все-таки добавил: – Царствие ему небесное!

Вдова медленно кивнула, словно услышала именно то, что хотела услышать, и открыла папку. Корсо смотрел поверх ее плеча на стену. Там между подлинником Тапиеса¹⁸ и еще одной картиной с неразборчивой подписью висела в рамке детская работа – пестрые цветочки, имя и дата: «Лиана Ласаука. Курс 1970/71 г.». Корсо счел бы это весьма трогательным, будь он способен выдавить из себя хоть одну слезинку при взгляде на цветы, птичек, а также на девочек со светлыми косичками и в гольфах. Поэтому он равнодушно перевел взгляд на фотографию в маленькой серебряной рамочке: покойный Энрике Тайллефер S. A., с золотым дегустационным бокалом, висящим на шее, в фартуке, делавшем его слегка похожим на масона, улыбался в объектив; в правой руке он держал одну из самых популярных своих кулинарных книг, в левой – блюдо с молочным поросенком по-сеговийски, которого собирался разрезать. Возможно, подумал Корсо, преждевременная кончина избавила его от бесчисленных проблем, порожденных холестерином и подагрой. А еще с холодным любопытством профессионала он задался вопросом: к каким уловкам прибегала при жизни супруга Лиана Тайллефер, когда желала испытать оргазм? В поисках ответа он снова метнул быстрый взгляд на бюст и ноги вдовы, но к

¹⁸ *Антонио Тапиес* (р. 1923) – испанский художник.

определенному выводу не пришел. В ней, конечно, слишком сильна была женская природа, чтобы она довольствовалась только молочными поросятами.

– Это текст Дюма, – сказала она, и Корсо тотчас напрягся и весь обратился в слух. Лиана Тайллефер постукивала красным ноготком по пластиковому конверту, защищавшему страницу. – Та самая глава, знаменитая. Конечно, рукопись мне знакома. – Она склонила голову, и волосы упали ей на лицо – теперь вдова недоверчиво взирала на гостя из-под светлой завесы. – А как она попала к вам?..

– Ваш муж продал главу мне. И я должен доказать ее подлинность.

Вдова пожала плечами:

– Насколько мне известно, рукопись настоящая. – Лиана Тайллефер с тяжелым вздохом возвратила ему папку. – Вы сказали, продал?.. Как странно! – Она задумчиво помолчала. – Энрике так гордился ею.

– Возможно, вы припомните, где он ее приобрел.

– Боюсь, что нет. Кажется, это был чей-то подарок.

– А ваш муж коллекционировал автографы?

– Думаю, других, кроме этого, у него не было.

– И он никогда не говорил о намерении продать рукопись?

– Нет. О продаже я узнала только от вас. Кто же ее приобрел?

– Один книготорговец, мой клиент, и, как только я соберу необходимую информацию, он выставит автограф на аукци-

он.

Тут Лиана Тайллефер решила, что гостю стоит уделить чуть больше внимания; его акции на местной бирже снова поднялись в цене. Между тем Корсо снял очки и принялся протирать их мятым платком. Без очков он выглядел беспомощным, о чем прекрасно знал. Когда он, совсем как близорукий крольчонок, щурил глаза, всем сразу хотелось взять его за руку и перевести через улицу.

– Это ваша профессия? – спросила вдова. – Устанавливать подлинность рукописей?

Он уклончиво кивнул. Теперь он видел вдову расплывчато, зато почему-то казалось, что она находится ближе, чем раньше.

– Иногда я также ищу редкие книги, гравюры и тому подобное. И этим зарабатываю на жизнь.

– Много?

– Когда как. – Он надел очки, и облик женщины вновь обрел резкость и ясность. – Иногда много, иногда мало; на рынке случаются колебания.

– То есть вы что-то вроде сыщика, да? – пошутила она. – Вроде детектива, но занимаетесь книгами...

Пора было улыбнуться. Что он и сделал, приоткрыв передние зубы. Улыбнулся застенчиво, просчитав меру этой застенчивости до миллиметра. Ну давайте же, молила улыбка, усыновите меня поскорее.

– Да. Мою работу можно назвать и так.

– И вы пришли ко мне по поручению своего клиента...

– Именно. – Теперь можно было держаться чуть увереннее, и он постучал костяшками пальцев по папке. – Ведь рукопись попала к нему из вашего дома.

Вдова, не сводя глаз с папки, неторопливо кивнула. Она о чем-то раздумывала.

– Странно, – сказала она наконец. – Мне трудно поверить, что Энрике продал автограф Дюма. Хотя в последние дни в его поведении было что-то необычное... Как, вы сказали, зовут книготорговца? Нового владельца рукописи?

– Я не называл его имени.

Она глянула на Корсо сверху вниз, с холодным изумлением. Казалось, она не привыкла давать мужчинам больше трех секунд на исполнение ее желаний.

– Так назовите!

Корсо чуть помедлил – ровно столько, сколько понадобилось, чтобы Лиана Тайллефер начала нетерпеливо постукивать рукой по подлокотнику.

– Его зовут Ла Понте, – выпалил Корсо. Это был еще один из его трюков: делать вид, что собеседник одержал победу, хотя уступки на самом деле были совсем незначительными. – Вы его знаете?

– Разумеется, знаю – это поставщик моего мужа. – Она скорчила недовольную гримасу. – Иногда являлся сюда и приносил ему дурацкие приключенческие романы. Надеюсь, у него есть какой-нибудь документ, подтверждающий факт

покупки... Если это вас не затруднит, я хотела бы получить копию.

Корсо лениво кивнул и слегка подался вперед:

– А ваш муж очень любил Александра Дюма?

– Любил ли он Дюма, спрашиваете вы? – Лиана Тайлленфер улыбнулась. Потом откинула волосы назад. Теперь глаза ее засверкали насмешливо. – Пойдемте-ка.

Она поднялась, но так медленно, будто на это ушла целая вечность, затем одернула юбку и поглядела по сторонам – точно успела позабыть, зачем ей, собственно, понадобилось вставать. Ростом она оказалась гораздо выше Корсо, хотя была в туфлях на низком каблуке. Она повела его в соседнюю комнату, служившую кабинетом. Следуя за ней, Корсо разглядывал широкую, как у пловчихи, спину, тонкую, но не слишком, талию. По его прикидке, ей было лет тридцать. Так что очень скоро она могла превратиться в обычную матрону нордического типа, чьи не знающие загара бедра созданы лишь для того, чтобы легко рожать белокурых Эриков и Зигфридов.

– Если бы только Дюма! – воскликнула она, приглашая его войти в кабинет. – Взгляните.

Корсо взглянул. По стенам тянулись деревянные стеллажи, прогнувшиеся под тяжестью толстых томов. Он почувствовал, что у него вот-вот потекут слюни. Профессиональная реакция. Подняв руку к очкам, он сделал несколько ша-

гов по направлению к полкам: «Графиня де Шарни» А. Дюма, восемь томов в серии «Иллюстрированный роман» под редакцией Висенте Бласко Ибаньеса¹⁹; «Две Дианы» А. Дюма в трех томах; «Три мушкетера» А. Дюма, издание Мигеля Гохарро с гравюрами Ортеги, четыре тома; «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, четыре тома, издатель Хуан Рос, гравюры А. Хиля... А вот сорок томов «Рокамболя» Понсона дю Террайля. «Пардайяны» Мишеля Зевако²⁰, полностью. И опять Дюма – рядом с девяти томным Виктором Гюго и девяти томным Полем Февалем²¹, чей «Горбун» стоял тут же в роскошном переплете красного сафьяна с золотым обрезаем. И «Записки Пиквикского клуба» Диккенса в переводе Бенито Переса Гальдоса, и несколько книг Барбье д'Ореви-льи, и «Парижские тайны» Эжена Сю. Еще Дюма – «Сорок пять», «Ожерелье королевы», «Соратники Иегу»... «Коломба» Мериме. Пятнадцать томов Сабатини, несколько – Ортеги-и-Фриаса, Конан Дойла, Мануэля Фернандеса-и-Гонсалеса, Майн Рида, Патрисио де ла Эскосуры...²²

¹⁹ *Висенте Бласко Ибаньес* (1867–1928) – испанский писатель.

²⁰ *Мишель Зевако* (1860–1918) – французский писатель, «король романа-фельетона», автор многочисленных исторических и приключенческих романов, в том числе цикла «Пардайяны» (в русском переводе выходил также под названием «Род Пардальянов». М., 1994).

²¹ *Поль Феваль* (1817–1887) – французский писатель, автор множества произведений, самое известное из которых – приключенческий роман «Горбун, или Маленький парижанин» (1858).

²² *Рамон Ортега-и-Фриас* (1825–1883) – популярный испанский писатель, автор более 150 романов, самый известный из них – «Дьявол во дворце». *Ману-*

– Вот это да! Сколько же здесь томов?

– Не знаю. Две тысячи с лишним. Или три. Почти все – романы-фельетоны в первом издании. Их переплетали сразу после публикации... А еще – иллюстрированные издания. Муж был коллекционером-фанатиком, платил столько, сколько запрашивали.

– Да, как я вижу, он был истинным любителем.

– Любителем? – Лиана Тайллефер изобразила легкую улыбку. – Нет, это была настоящая страсть.

– А мне казалось, что гастрономия...

– Кулинарные книги были для него лишь способом зарабатывать деньги. Энрике походил на царя Мидаса: любой дешевый сборник рецептов, попав в его руки, превращался в бестселлер. Но душу он вкладывал вот в это. Ему нравилось запереться здесь, трогать и гладить старые книги. Ведь некоторые напечатаны на плохой бумаге, а он хотел во что бы то ни стало сохранить их. Видите? Термометр, прибор для измерения влажности воздуха... Энрике мог целыми страницами наизусть цитировать любимые произведения. Иногда приговаривал: «Черт возьми!», «Проклятье!» – и так далее в том же роде. А последние месяцы все время писал.

– Исторический роман?

– Приключенческий. Следуя всем законам жанра и, само

эль Фернандес-и-Гонсалес (1821–1888) – популярный и очень плодовитый испанский писатель, автор более чем 600 томов прозы. *Патрисио де ла Эскосура-и-Моррог* (1807–1878) – испанский писатель, журналист и политик.

собой разумеется, повторяя все банальности. – Она подошла к полкам и достала толстый, сшитый вручную том. Страницы были исписаны с одной стороны крупными круглыми буквами. – Взгляните, какое название...

– «Рука покойника, или Паж Анны Австрийской», – прочитал Корсо вслух. – Ну, это... – Он почесал пальцем бровь, подыскивая нужное слово. – Внушительно...

– И неподъемно – прямо свинец, – добавила она, ставя том на место. – Сочинение изобилует анахронизмами, что очень глупо, клянусь. Тут вы можете мне поверить – я знаю, о чем говорю. Закончив очередной кусок, он непременно читал его мне... И так всю книгу, страницу за страницей, до самого финала. – Она сердито постучала по заглавию, выписанному большими буквами. – Боже мой! Знаете, в конце концов я возненавидела и этого пажа, и его королеву, хитрую бестию.

– Он собирался опубликовать свое сочинение?

– А как же! Под псевдонимом, и, наверно, выбрал бы что-нибудь вроде Тристана де Лонгвиля или Паоло Флорентини... Это было бы очень даже в его духе.

– А повеситься? Тоже было в его духе?

Лиана Тайллефер молчала, уставившись на стеллажи, заполненные книгами. И молчание было тяжелым, отметил про себя Корсо, напряженным, хоть она и сделала вид, будто на что-то загляделась. Она вела себя как актриса, которая выбирает нужный момент, чтобы продолжить диалог.

– Я никогда не узнаю, что произошло, – ответила она,

овладев собой. – Последнюю неделю он был угрюм и замкнут, почти не выходил из кабинета. Но однажды вечером куда-то отправился, злобно хлопнув дверью. И вернулся только на рассвете; я лежала в постели и слышала, как щелкнул замок. Утром меня разбудили крики служанки: Энрике повесился.

Теперь она смотрела на Корсо, следя за его реакцией. Нет, печальной она не выглядит, подумал охотник за книгами и вспомнил фотографию, где ее муж был запечатлен в фартуке и с молочным поросенком. Корсо даже успел заметить, как вдова неестественно дернула веком, словно стараясь выжать из глаза хоть одну слезинку. Но глаза оставались предательски сухими. Впрочем, это еще ничего не значило. Целые поколения нестойких косметических средств научили женщин владеть собой и сдерживать чувства. А макияж Лианы Тайллефер – светлые тени на веках подчеркивали цвет глаз – был безупречен.

– Он оставил письмо или записку? – спросил Корсо. – Самоубийцы обычно поступают именно так.

– Нет, решил не утруждать себя. Никаких объяснений, никаких писем. Ничего. И такая непредусмотрительность дорого мне стоила: пришлось отвечать на массу вопросов следователя и полицейских. Не слишком приятно, уверяю вас.

– Могу себе представить...

– Вот и представьте...

Лиана Тайллефер дала понять, что визит затянулся. Она

проводила гостя до двери и протянула ему руку. Корсо, держа свою папку под мышкой, пожал руку и оценил крепость рукопожатия – поставил ему высший балл. Итак, не было ни веселой вдовы, ни убитой горем страдальицы, не было и равнодушной гримасы («Он был идиотом» или «Наконец-то мы одни, можешь вылезать из шкафа, дорогой»). То, что в шкафу кто-то прятался, Корсо вполне допускал, но это его не касалось. Как и самоубийство Энрике Тайллефера S. A., каким бы странным оно ни выглядело – а странного было много, особенно если прибавить еще и пажа с королевой, а также ускользающую рукопись. Но ему до всего этого дела не было – как и до красивой вдовы... По крайней мере – пока.

Он глянул на Лиану Тайллефер. Хотелось бы мне знать, без всяких эмоций подумал Корсо, кто же тебя ублажает. Он нарисовал в уме некий портрет-робот: солидный, красивый, образованный, богатый господин. Восемьдесят пять процентов вероятности, что был другом покойного. И еще Корсо задался вопросом, не связано ли самоубийство издателя именно с этим обстоятельством, но тотчас сердито себя одернул. Видно, издержки профессии или что-то подобное... Иногда невесть почему он вдруг начинал рассуждать, как полицейский. Нелепое сравнение! Он содрогнулся. Впрочем, человек никогда не знает точно, что кроется в темных безднах его души – какие глупости и нелепости.

– Позвольте поблагодарить вас, – сказал он, выбирая из арсенала улыбок самую трогательную улыбку симпатичного

кролика.

Но улыбка его пропала даром. Вдова смотрела на рукопись Дюма.

– Вам не за что меня благодарить. Естественно, мне далеко не безразлично, чем все это кончится.

– Постараюсь держать вас в курсе дела... И еще... Что вы намерены делать с коллекцией мужа – сохранить или избавиться от нее?

Вопрос застал ее врасплох. Корсо знал по опыту: порой и суток не проходит после смерти библиофила, как книжное собрание покидает дом, буквально следом за гробом. Его удивляло, что сюда еще не слетелись стервятники-букинисты. Ведь Лиана Тайллефер, по ее признанию, не разделяла литературные вкусы мужа.

– По правде говоря, я еще об этом не думала. Не успела... А что, вас могли бы заинтересовать подобные книги?

– Могли бы.

Она не нашлась что ответить. И замешательство ее продлилось на пару секунд дольше, чем нужно.

– Прошло слишком мало времени, – промолвила она наконец с подобающим случаю вздохом. – Подождем несколько дней...

Корсо, держась за перила, спускался по лестнице. Почему-то первые ступеньки дались ему с большим трудом, ноги отказывались идти – как у человека, который покидает место, где что-то забыл, но не знает, что именно. Хотя он-то уж

точно ничего здесь не забывал. Добравшись до площадки, он поднял глаза и увидел Лиану Тайллефер – та все еще стояла на пороге и наблюдала за ним. И вид ее выражал нечто среднее между тревогой и любопытством. По крайней мере, так ему показалось. Корсо одолел еще несколько ступенек и снова глянул вверх. Картина переменилась. Как будто объектив кинокамеры медленно сполз вниз. Из поля зрения Корсо исчезли настороженные голубовато-стальные глаза, в кадре оставалось лишь тело: бюст, бедра, крепкие ноги, поставленные чуть врозь, – великолепные, сильные, как колонны храма.

Корсо покинул дом вдовы и в глубокой задумчивости вышел на улицу. По меньшей мере пять вопросов остались без ответов, и нужно было в первую очередь выстроить их по степени важности. Он остановился на тротуаре у садовой решетки парка Ретиро и, высматривая такси, машинально повернул голову налево, к дороге. В нескольких метрах от него стоял огромный «ягуар». Шофер в темно-серой, почти черной форме читал газету. В этот самый миг он поднял глаза, и взгляды их встретились – всего на несколько секунд. Потом шофер снова погрузился в чтение. Он был смугл, черноволос, с усами и бледным шрамом, вертикально пересекающим щеку. Внешность его показалась Корсо знакомой – кого-то он явно напоминал. Ах да! Того высокого типа, что сидел перед игральным автоматом в баре Макаровой. Но не

только. В голове Корсо бродило смутное воспоминание, что-то из очень далекого прошлого. Он не успел проанализировать свои ощущения – как раз в этот миг появилось свободное такси, и некий тип с маленьким чемоданчиком в руке уже делал шоферу знаки с противоположного тротуара. Корсо поспешил воспользоваться тем, что таксист смотрел в его сторону, быстро шагнул на мостовую и остановил машину, опередив того, другого.

Он попросил водителя убавить звук радио и поудобнее устроился на заднем сиденье, невидящим взором провожая летящие мимо машины. Всякий раз, когда за ним захлопывалась дверца такси, он погружался в состояние блаженного покоя. словно прерывались все контакты с внешним миром и Корсо получал передышку – жизнь за окном на время пути замирала. В предвкушении отдыха он запрокинул голову.

Однако пора было подумать и о делах, скажем о «Девяти вратах», о поездке в Португалию – первом этапе работы. Встреча с вдовой Энрике Тайллефера породила много новых вопросов, и это тревожило его. Что-то тут было не так – подобное случается, когда смотришь на пейзаж с неудачной точки. Что-то еще... Машина успела несколько раз постоять на перекрестках перед красным светом, прежде чем Корсо сообразил, что в ход его размышлений неотвязно вплетается образ шофера «ягуара». Корсо почувствовал раздражение. Он был абсолютно уверен, что до бара Макаровой никогда в жизни не видел этого типа. Но ничего не мог поделать с

нелепым ощущением. Я тебя знаю, сказал он беззвучно. Точно, знаю. Однажды, очень давно, судьба сводила меня с похожим человеком. И я докопаюсь до истины. Ты здесь, в темном уголке моей памяти.

Груши куда-то запропастился, но теперь это не имело никакого значения. Пруссаки под командованием Бюлова отступали с высоты у часовни Святого Ламберта. Легкая кавалерия Сюмона-и-Сюберви преследовала их по пятам. На левом фланге все спокойно: решительная атака французских кирасиров рассеяла и разбила красные полки шотландской пехоты. В центре дивизия Жерома наконец-то захватила Гугумон. К северу от Мон-Сен-Жан синие части старой доброй Гвардии медленно группировались, а Веллингтон, забыв о строгом порядке, занимал деревушку Ватерлоо. Оставалось нанести последний удар, добить противника.

Лукас Корсо осмотрел поле. Спасти положение мог, конечно же, Ней. Храбрец из храбрецов. Корсо передвинул его вперед, вместе с д'Эрлоном и дивизией Жерома – вернее, тем, что от нее осталось, – и заставил их *au pas de charge*²³ продвигаться по дороге на Брюссель. Когда они сошлись с британскими частями, Корсо откинулся на спинку стула и затаил дыхание: он выбрал слишком рискованный ход – всего за полминуты принял решение, от которого зависели жизнь и смерть двадцати двух тысяч человек. Он упивался

²³ Быстрым шагом (*фр.*).

этим ощущением, вторгаясь в плотные сине-красные ряды и любуясь нежной зеленью леса близ Суаня, бурыми пятнами холмов. Боже, какое красивое сражение!

Удар оказался жестоким. Поделом им! Армейский корпус д'Эрлона рассыпался, как соломенная хижина ленивого поросенка из сказки, а Ней и люди Жерома держали развернутую линию. Старая Гвардия наступала, все сметая на своем пути, и английские каре одно за другим исчезали с карты. Веллингтону не оставалось ничего другого, как отступить, и Корсо перекрыл ему дорогу на Брюссель резервными частями французской кавалерии. Потом медленно, хорошо подумав, нанес последний удар. Держа Нейя между большим и указательным пальцами, он продвинул его вперед – на три шестиугольника. Суммировал коэффициенты мощности, глядя в таблицы: отношение получилось восемь к трем. С Веллингтоном было покончено. Оставалась крошечная щель, припасенная на всякий случай. Он сверился с таблицей эквивалентов и убедился, что хватит и трех. Он почувствовал укол нерешительности, но все-таки взял в руки кости, чтобы включить в игру долю необходимой случайности. Ведь даже при выигранном сражении потерять Нейя в последнюю минуту – чистое любительство. И он получил коэффициент пять. Корсо улыбался краешком губ, нежно постукивая ногтем по синей фишке – Наполеону. Представляю, каково тебе, приятель. Веллингтон с последними пятью тысячами несчастных, прочие – кто погиб, кто в плену, а Импе-

ратор только что выиграл сражение при Ватерлоо. «Аллон-занфан»²⁴. И пусть все книги по Истории летят к черту!

Он от души зевнул. На столе, рядом с доской, которая в масштабе 1:5000 воспроизводила поле боя, среди справочников и диаграмм стояли чашка кофе и полная окурков пепельница; часы на запястье Корсо показывали три ночи. Сбоку, на мини-баре, стояла бутылка – с красной, как английский камзол, этикетки ему хитро подмигивал Джонни Уокер. Белобрысый нахал, подумал Корсо. И дела ему нет, что несколько тысяч соотечественников только что во Фландрии были повергнуты в прах.

Он повернулся к англичанину спиной и все свое внимание отдал непочатой бутылке «Болса», зажатой между двухтомным «Мемориалом Святой Елены»²⁵ и французским изданием «Красного и черного». Корсо откупорил бутылку, открыл роман Стендаля и бесцельно перевернул несколько страниц, пока наливал джин в стакан.

...«Исповедь» Руссо. Это была единственная книга, при помощи которой его воображение рисовало ему свет. Собрание реляций великой армии и «Мемориал Святой Елены» – вот три книги, в которых заключался

²⁴ Транскрипция первых слов Марсельезы – «Вперед, дети родины».

²⁵ «Мемориал Святой Елены» – дневник французского историка графа Эммануэля де Лас Каза (1766–1842), бывшего секретарем Наполеона в изгнании на острове Святой Елены. Книга вышла в свет в 1823 г.

его Коран. Никаким другим книгам он не верил²⁶.

Он пил стоя, медленными глотками, пытаясь привести в чувство онемевшее от долгого сидения тело. Бросил последний взгляд на поле брани, где после кровавой схватки все затихало. Осушил стакан и почувствовал себя хмельным богом, управляющим судьбами людей, как если бы речь шла об оловянных солдатиках. Потом представил себе лорда Артура Уэллсли, герцога Веллингтона, вручающего свою шпагу Нею. На земле лежали тела погибших юношей, мимо мчались кони, потерявшие седоков, а под искореженным орудийным лафетом умирал офицер Серых шотландцев и в окровавленной руке сжимал золотой медальон с портретом женщины; в медальоне хранилась прядь белокурых волос. Офицер погружался во мрак, и там, уже в другом мире, звучали аккорды последнего вальса. С полки на него глядела балерина, а во лбу у нее, отражая пламя камина, сверкала бисеринка, и балерина была готова упасть в объятия черта из табакерки. Или – соседа-лавочника.

Ватерлоо. Что ж, старый гренадер, его прадед, мог спать в своей могиле спокойно. Корсо видел его в каждом маленьком квадратике на игровой доске, на бурой линии, обозначающей дорогу на Брюссель. Покрытое копотью лицо, опаленные усы. Он три дня орудовал штыком. Он охрип, его лихорадило. Он глядел вокруг невидящим взором. Корсо тысячу раз представлял себе, что именно такой взгляд дол-

²⁶ Перевод С. Боброва и М. Богословской.

жен быть у всех воинов на всех войнах. Прадед изнемогал от усталости и все же, как и его товарищи, поднимал вверх нацепленный на ствол ружья кивер из медвежьей шерсти. Виват Император! Одинокий, растолстевший и смертельно больной Бонапарт, вернее, призрак Бонапарта был отмщен. Покойся с миром. Гип-гип-ура!

Корсо налил себе еще джина и молча поднял стакан, кивнув висящей на стене сабле: во славу верной тени гренадера Жан-Пакса Корсо, 1770–1851, орден Почетного легиона, орден Святой Елены, до последнего своего дыхания он был неисправимым бонапартистом, служил консулом Франции в том самом средиземноморском городе, где век спустя суждено было родиться его праправнуку. И, чувствуя во рту вкус джина, Корсо сквозь зубы продекламировал строки, передававшиеся весь этот век от отца к сыну в их роду, которому суждено было закончиться на нем:

...И Император во главе
своего нетерпеливого войска
будет скакать под триумфальные крики.
И я встану из могилы с оружием в руках
и снова пойду на войну
следом за Императором.

Корсо снял трубку и, не сдержав смеха, принялся набирать номер Ла Понте. Звук вращающегося диска был хорошо слышен в тишине. Вдоль стен – книги, за окном – мокрые от

дождя крыши. Вид нельзя сказать чтобы замечательный. Исключение составляли те зимние вечера, когда закатное солнце мрело за пеленой дыма, поднимающегося из труб отопления, и за уличным смогом в воздухе колыхался плотный занавес из алых и желто-красных искр. Письменный стол с компьютером и игральная доска с планом Ватерлоо помещались перед большим окном. Нынешней ночью по стеклам бежали дождевые струи. На стенах не было ни картин, ни фотографий – ничего, что пробуждало бы воспоминания. Только старинная сабля в кожаных с латунию ножнах. Редкие гости удивлялись, не видя в комнате, кроме книг и сабли, никаких следов чего-то личного, того, что всякое человеческое существо инстинктивно хранит, крепя связь с собственным прошлым. Но дело было в том, что Лукас Корсо уже давно порвал всякие связи с миром, из которого вышел. И доведись ему вернуться к прежней жизни, он не признал бы ни одно из тех лиц, что порой еще всплывали у него в памяти. Наверно, так лучше. Создавалось впечатление, что у хозяина квартиры вообще нет за спиной никакого прошлого либо он не желал оставлять по себе никаких следов. Он довольствовался самим собой и тем, что было на нем в данный момент, – как городской бездомный бродяга, весь скарб которого умещается в карманах пальто. И все же те немногие счастливики, которым довелось увидеть Корсо, когда он красноватым зимним вечером сидел перед окном и мутными от голландского джина глазами восхищенно глядел на уплы-

вающее солнце, свидетельствовали: только в такие мгновения маска нелепого беззащитного кролика выглядела на его лице естественной.

В трубке раздался сонный голос Ла Понте.

– Слушай, я только что разгромил Веллингтона, – сообщил ему Корсо.

Совсем сбитый с толку Ла Понте помолчал, затем поздравил его с победой. Коварный Альбион, паштет из почек и жалкие гостиницы с отоплением за отдельную плату. Сипай Киплинг, вся эта докука – Балаклава, Трафальгар и Мальвины. А вот что касается самого Корсо, то хотелось бы ему напомнить... – телефон замолк, пока Ла Понте на ощупь отыскивал часы, – что теперь три часа ночи. Потом он пробурчал что-то нечленораздельное, и разобрать можно было только отдельные слова: «сволочь», «скотина» и тому подобное.

Корсо, посмеиваясь, повесил трубку. Однажды он позвонил Ла Понте – за его счет – с аукциона в Буэнос-Айресе только для того, чтобы рассказать новую шутку: проститутка была такой страшной, что умерла девственницей. Ха-ха. Отлично. Вернешься, я заставлю тебя, идиот несчастный, сожрать телефонный счет. Да и в тот раз, много лет назад, едва Корсо проснулся, обнимая Никон, первым его движением было снять трубку и рассказать Ла Понте, что он познакомился с красивой женщиной и, кажется, влюбился. До сих пор, стоило Корсо пожелать, и он, закрывая глаза, видел Никон – она медленно пробуждается, и волосы ее рассыпаны

по подушке. А тогда, прижав трубку плечом, он начал описывать ее Ла Понте, пребывая в небывалом волнении, испытывая необъяснимую и неведомую прежде нежность. Он говорил по телефону, а она молча слушала и глядела на него, и Корсо знал, что человек на другом конце провода – «Я рад, Корсо, дружище, давно пора, я рад за тебя, будь счастлив» – искренне радовался вместе с ним и чудесному пробуждению, и счастьем. В то утро он любил Ла Понте не меньше, чем ее. А может, ее он любил не меньше, чем Ла Понте, но с той поры утекло много воды.

Корсо потушил свет. За темным окном продолжал хлестать дождь. Охотник за книгами сел на край пустой постели, зажег сигарету и напряг слух, пытаясь уловить знакомое дыхание. Огонек сигареты неподвижно светился во мраке. Корсо протянул руку, чтобы погладить разметавшиеся по подушке волосы, но их там, разумеется, не оказалось. Никон... Единственное в жизни, из-за чего совесть по-настоящему мучила его. Дождь припустил еще сильнее, и мокрое стекло дробило скудный свет, падавший в комнату с улицы, так что простыни покрывались мерцающими точками, черными стежками, крошечными тенями, которые метались туда-сюда, словно ключья его бестолковой жизни.

– Лукас.

Он произнес свое имя вслух. Так называла его только она и больше никто. Эти пять букв были символом той общей

родины, которую они мечтали обрести – и сами же разрушили. Корсо уставился на красный огонек сигареты. Тогда он не сомневался, что очень любит Никон. Тогда он восхищался ее красотой и умом. Она была уверенной в себе и непогрешимой, как папская энциклика, страстной, как те черно-белые фотографии, которые сама же и делала: дети с огромными глазами, старики, собаки с преданным взглядом. Она боролась за свободу народов и подписывала какие-то манифесты в защиту угнетенных наций, брошенных в тюрьмы деятелей культуры... И в защиту тюленей. Как-то она даже его заставила подписать что-то про тюленей.

Корсо осторожно поднялся с постели, чтобы не разбудить спящий там призрак, и ему вновь, как не раз прежде, почудилось, будто он и на самом деле слышит ее тихое дыхание. Ты мертв, как и твои книги. Ты никогда никого не любил, Корсо. Тогда она в первый и последний раз назвала его только по фамилии, в первый и последний раз не отдала ему свое тело. И ушла навсегда. Она мечтала о ребенке, а он отказал ей в этом.

Корсо распахнул окно и вдохнул влажный и холодный ночной воздух. Капли дождя падали ему на лицо. Он сделал последнюю затяжку и швырнул сигарету вниз. Красная точка, не дочертив до конца положенную дугу, растаяла во мраке.

В ту ночь дождь лил повсюду. Над последними следами Никон. Над полями Ватерлоо. Над прапрадедом Корсо и его

товарищами. Над красно-черным надгробием Жюльена Сореля, казненного за то, что верил, будто без Бонапарта начнут умирать даже бронзовые статуи на старых дорогах беспамятства. Глупейшее заблуждение. Корсо лучше других знал, что еще и сегодня можно выбрать поле боя и стоять на посту среди бумажного воинства в кожаных переплетах, среди выброшенных на берег жертв кораблекрушения.

Глава 3. Люди в сутанах и люди со шпагами

– Те, что лежат в могилах, не говорят.

– Еще как говорят, коли на то есть воля

Божия, – возразил Лагардер.

П. Феваль. Горбун

Каблучки секретарши цокали по лакированному деревянному полу. Лукас Корсо шел за ней длинным коридором – стены нежно-кремовых тонов, приглушенный свет, тихая музыка, – пока не оказался перед тяжелой дубовой дверью. Девушка велела ему подождать, скрылась, появилась вновь и с дежурной улыбкой пригласила пройти в кабинет. Варо Борха сидел в черном кожаном кресле с покато́й спинкой перед письменным столом красного дерева. Из окна открывался великолепный вид на Толедо: старые красно-желтые крыши, острый шпиль собора на фоне чистого голубого неба, вдалеке – серая громада Алькасара.

– Присаживайтесь, Корсо.

– Спасибо.

– Я заставил вас ждать...

Это прозвучало не как извинение, а лишь как констатация факта. Корсо поморщился:

– Не беспокойтесь. На сей раз я ждал всего сорок пять

минут.

Варо Борха даже не потрудился улыбнуться в ответ, пока Корсо усаживался в предназначенное для посетителей кресло. На столе не было ничего, кроме сложной системы телефонов и современного интеркома, так что полированная поверхность отражала не только самого хозяина кабинета, но и часть пейзажа в окне. Варо Борхе было лет пятьдесят: лысый, при этом и лицо, и лысина покрыты искусственным загаром, вид респектабельный, хотя респектабельность его вызвала подозрения. Глаза маленькие, бегающие и хитрые. Изрядный живот прятался под узкими пестрыми жилетом и пиджаком, сшитыми на заказ. Кроме того, Варо Борха был каким-то там маркизом, молодость провел бурно и разгульно, попал на заметку полиции, впутался в скандальную аферу, после чего четыре года отсиживался в Бразилии и Португалии.

– Я хотел вам кое-что показать.

Резкость его порой граничила с грубостью, но такой манеры поведения он придерживался сознательно. Он направился к маленькому застекленному шкафу, вытащил из кармана ключик на золотой цепочке, открыл дверцу. Варо Борха не имел дела с обычными покупателями и участвовал лишь в самых престижных международных ярмарках и аукционах. В его каталоге никогда не фигурировало больше полусотни книг – и только редчайшие. В поисках ценных экземпляров он добирался до самого захолустья, до самых дремучих угол-

ков земли, действовал жестко и ничем не брезговал, идя к цели, а потом продавал добычу, играя на колебаниях рыночных цен. На него работали коллекционеры, граверы, типографы и поставщики вроде Лукаса Корсо.

– Что вы об этом скажете?

Корсо протянул руку за книгой и взял ее так трепетно и осторожно, как другие берут новорожденного. Том, переплетенный в коричневую кожу с золотым тиснением, в стиле эпохи, сохранность отличная.

– «La Nupnerotomachia di Poliphili» Колонны²⁷, – прокомментировал он. – А! Значит, вы ее заполучили...

– Три дня назад. Венеция, 1545 год. «In casa di figlivoli di Aldo»²⁸. Сто семьдесят гравюр на дереве... Тот швейцарец, о котором вы упоминали, все еще желает приобрести ее?

– Думаю, да. Экземпляр без дефектов? Все гравюры целы?

– Естественно. В этом издании все ксилографии, за исключением четырех, воспроизводят те, что были в книге 1499 года.

²⁷ «Сон Полифила, или Битва любви во сне» (*um.*) – возможным автором этого сочинения считается Франческо Колонна (1433/34–1527). Книга была опубликована в 1499 г.; шедевр итальянского типографского искусства эпохи Возрождения.

²⁸ «В доме сыновей Альда» (*um.*). *Альд Мануций* (Альд – уменьш. от Теобальдо; ок. 1450–1515) – знаменитый венецианский печатник, издатель, гуманист, родоначальник издательской династии. Книги конца XV–XVI вв., напечатанные в «Доме Альда» (Венеция), получили название «аладин».

– Мой клиент предпочел бы первое издание, но попробую уговорить на второе... Тому пять лет на аукционе в Монако у него прямо из рук уплыл экземпляр...

– Что ж, пусть решает.

– Мне нужно недели две, чтобы связаться с ним.

– Я бы хотел вести переговоры напрямую. – Варо Борха улыбался, как акула, выслеживающая пловца. – Вы, конечно, получите свои комиссионные, обычный процент.

– Дудки! Швейцарец – мой клиент.

Варо Борха язвительно улыбнулся:

– Вы никому не доверяете, правда?.. Думаю, еще в младенчестве вы тщательно проверяли молоко родной матушки, прежде чем припасть к ее груди.

– А вы, даю голову на отсечение, молоко своей матушки перепродавали.

Варо Борха впился взглядом в охотника за книгами, в котором теперь не осталось ничего кроличьего – ни капли бывшего обаяния. Он стал напоминать скорее волка, выставившего клыки.

– Знаете, что меня привлекает в вашем характере, Корсо? Естественность, с которой вы соглашаетесь на роль наемного убийцы, в то время как вокруг развелось столько демагогов и тупиц... А вы скорее из разряда тех апатичных на вид, но очень опасных типов, каких боялся Юлий Цезарь. Как вы спите, хорошо?

– Без задних ног.

– А я думаю, нет. Готов поспорить на пару экземпляров готического минускула²⁹, что вы подолгу лежите в темноте с открытыми глазами... Скажу больше: я инстинктивно не доверяю людям покладистым, экзальтированным и услужливым. К их помощи я прибегаю, только если это настоящие профессионалы, работающие за высокие гонорары, и если к тому же они лишены каких бы то ни было корней и комплексов. Тем, кто кичится родиной, без умолку трещит о семье или собственных принципах, я не верю.

Варо Борха поставил книгу обратно в шкаф. Потом зло хохотнул:

– А друзья у вас есть, Корсо? Иногда я задумываюсь: бывают ли у таких, как вы, друзья?

– Идите в задницу.

Пожелание было произнесено с полной невозмутимостью. Губы Варо Борхи расплылись в фальшивой улыбке. Казалось, он ничуть не обиделся.

– Вы правы. Мне ведь нет нужды в вашем дружеском расположении, потому что я покупаю вашу выставленную на продажу преданность – надежную и долговременную. Не так ли?.. Речь-то идет о профессиональной чести и гордости – такие, как вы, люди выполняют договор, даже если король, нанявший вас, сбежал, даже если бой проигран и нет шанса на спасение...

²⁹ *Готический минускул* – письмо (XII–XV вв.), использующее только минускулы, т. е. строчные буквы.

Он взирал на Корсо насмешливо, с вызовом, следя за его реакцией. Но тот лишь нетерпеливо, не глядя ткнул пальцем в часы на левой руке.

– Остальное, пожалуйста, изложите в письменном виде, – бросил он. – И отправьте почтой. Вы ведь до сих пор никогда не платили мне за то, чтобы я смеялся вашим шуточкам.

Казалось, Варо Борха раздумывал над услышанным. Потом насмешливо кивнул:

– И опять вы правы, Корсо. Итак, перейдем к делам... – Он потрянул головой, собираясь с мыслями. – Помните «Трактат об искусстве фехтования» Астарлоа?³⁰

– Да. Издание 1870 года, очень редкое. Я достал его для вас пару месяцев назад.

– Тот же клиент просит теперь трактат «Académie de l'épee»³¹. Вы о нем что-нибудь слышали?

– Вы имеете в виду клиента или трактат?.. В ваших местностях сам черт не разберется.

Варо Борха показал взглядом, что шутки не оценил:

– Не все обладают таким чистым и лаконичным литературным языком, как вы, Корсо. Я имел в виду книгу.

– Это эльзевир³² XVII века. Формат ин-фолио³³, с гравю-

³⁰ Дон Хайме Астарлоа – герой романа А. Переса-Реверте «Учитель фехтования» (1988).

³¹ «Академия шпаги» (фр.).

³² Эльзевир – книги, выпущенные Эльзевирами (семья нидерландских типографов и издателей; фирма существовала с 1581 по 1712 г.), а также созданный ими рисунок шрифта и форма изданий. Издания Эльзевиров были очень дешевы

рами. Считается самым красивым трактатом по фехтованию. И самым дорогим.

– Покупатель готов выложить любую сумму.

– Тогда надо поискать.

Варо Борха снова занял кресло у окна, откуда открывался прекрасный вид на древний город. Книготорговец сидел, положив ногу на ногу и засунув большие пальцы рук в жилетные карманы. Несомненно, дела шли у него отлично. Мало кто из коллег, даже самых преуспевающих, мог позволить себе кабинет с такой панорамой. Но Корсо удивить было трудно. Ведь типы вроде Варо Борхи целиком зависели от таких людей, как Корсо, и оба это отлично понимали.

Корсо поправил съехавшие набок очки и глянул на книготорговца:

– Итак, что мы будем делать с Колонной?

Варо Борха колебался, не зная, какому чувству отдать предпочтение – антипатии или жажде наживы. Он переводил взгляд с витрины на Корсо и обратно.

– Ладно, – выдавил он сквозь зубы. – Занимайтесь своим швейцарцем сами.

Корсо кивнул, ничем не выдав удовлетворения, которое принесла ему эта маленькая победа. На самом деле никакого швейцарца не существовало – это была его, Лукаса Корсо,

и имели удачный формат, в 1/12 листа.

³³ Термин «*ин-фолио*» употребляется здесь в нетрадиционном значении; как поясняется далее, речь идет о формате 299 г 215 мм.

коммерческая хитрость. Покупатели на такую книгу всегда найдутся.

– Поговорим о ваших «Девяти вратах», – предложил он и увидел, как оживилось лицо книготорговца.

– Поговорим! Вы беретесь за это дело?

Корсо старательно обкусывал кожу вокруг ногтя на большом пальце. Потом осторожно выплюнул заусенец прямо на сверкающий чистотой стол.

– Представьте на миг, что ваш экземпляр – подделка. А настоящий – один из тех двух. Или его вообще нет.

Варо Борха поморщился. Казалось, он взглядом отыскивает на столе кусочек кожи с большого пальца Корсо. Наконец он поднял глаза от полированной поверхности.

– На этот случай я дам вам подробные инструкции. Вы их запишете.

– Сначала я хотел бы их услышать.

– Всеу свое время.

– Нет. Таково мое условие. Я жду. – Он заметил, что книготорговец на миг поколебался. И в том уголке мозга, где у Корсо притаился охотничий инстинкт, что-то тревожно запульсировало. Тик-так. Почти неприметный звук – сигнал о сбое в механизме.

– Решения, – изрек после паузы Варо Борха, – мы будем принимать по ходу дела.

– А что, собственно, мы должны решать? – начал терять терпение Корсо. – Одна из книг хранится в частной коллек-

ции, вторая – в публичном фонде; ни ту, ни другую продавать никто не собирается. Этим все сказано – тут конец и моим хлопотам, и вашим планам. Повторяю: одна из книг настоящая, остальные – поддельные. Но при любом итоге расследования я должен получить то, что мне причитается за работу, и – привет!

«Не слишком ли все просто у вас получается?» – говорила улыбка книготорговца.

– Не совсем так... – вяло возразил он.

– Этого-то я и боялся... Вы что-то задумали и темните...

Варо Борха чуть приподнял кисть, любуясь ее отражением на поверхности стола. Потом начал медленно опускать руку, пока она не коснулась зеркального двойника. Корсо взглянул на эту широкую волосатую руку с огромным перстнем на мизинце. Он отлично знал ее. Не раз видел, как она подписывает чеки на несуществующие счета, удостоверяет подлинность явных подделок, пожимает руки тем, кого вскоре предаст. Тревожное «тик-так» у него в голове не утихло. Внезапно он ощутил непривычную усталость. И засомневался: а хочет ли он браться за эту работу?

– Я не уверен, что хочу браться за эту работу, – повторил он вслух.

Варо Борха, видимо, почувствовал что-то новое в его тоне – и тотчас сменил тактику. Он сидел с задумчивым видом, неподвижно, уперев подбородок в переплетенные пальцы, и падавший из окна свет играл бликами на его великолепной

загорелой лысине. При этом хозяин дома не сводил глаз с Корсо.

– Я никогда не рассказывал вам, почему стал торговать книгами?

– Нет. И меня, черт возьми, это мало интересует!

Варо Борха театрально расхохотался. Что свидетельствовало как о благодушном настроении, так и о том, что свою историю он непременно расскажет. Нелепая выходка Корсо словно бы проскочила незамеченной. Пока.

– Я плачу вам, и вы будете выслушивать все, что мне угодно.

– На сей раз вы еще не заплатили.

Варо Борха выдвинул ящик стола, достал чековую книжку и положил перед собой, а Корсо тем временем с самым невинным и добродушным видом пялился по сторонам. Именно теперь надо было выбирать: попрощаться и уйти либо остаться и ждать... Именно теперь хозяину кабинета подобало предложить гостю чего-нибудь выпить, но такого не было у него в заводе. Поэтому Корсо лишь передернул плечами и незаметно прижал локоть к спрятанной в кармане фляжке с джином. Как все нелепо! Он отлично понимал, что не встанет и не уйдет, независимо от того, понравится ему или нет предложение Варо Борхи. И Варо Борха тоже это понимал. Поэтому проставил сумму, подписал чек и положил его перед Корсо.

Корсо глянул на чек, но не прикоснулся к нему.

– Вы меня убедили, – вздохнул он. – Я весь внимание.

Книготорговец ничем не выдал радости. Только твердо и холодно кивнул, словно покончил с неприятной обязанностью.

– Я занялся этим делом по чистой случайности, – начал он рассказывать. – Просто в один прекрасный день оказался без гроша в кармане, но тут скончался мой двоюродный дед и оставил мне в наследство свою библиотеку – и ничего более... Около двух тысяч томов, правда из них только сотня чего-то стоила. Зато там имелись первое издание «Дон Кихота», две псалтыри XIII века и один из четырех известных экземпляров «*Champ-fleuri*» Жоффруа Тори...³⁴ Что вы на это скажете?

– Что вам повезло.

– Именно это вы и должны были сказать, – подтвердил Варо Борха невозмутимо и веско. В его рассказе не слышалось любования собой, которым грешат многие преуспевшие люди, повествуя о собственном жизненном пути. – ...В ту пору я и знать ничего не знал о коллекционерах редких книг, хотя с ходу ухватил главное: есть люди, готовые платить большие деньги за то, что имеется лишь в малом количестве. А я владел как раз такими вещами... И тогда я выучил слова, о кото-

³⁴ «Цветущий луг» (*фр.*). Жоффруа Тори (1480–1533) – французский типограф, гравер и писатель; «Цветущий луг» – трактат по типографскому делу, где также разработаны новые пропорции букв, на основе чего словолитчик Клод Гарамон отлил новый французский шрифт антикву, сменивший готический, с более скругленными, чем в последнем, очертаниями букв.

рых никогда прежде не слышал: колофон, скульпторское долото, золотое сечение, суперэкслибрис... И, входя в профессию, усвоил еще одно: есть книги для продажи, и есть книги, которые надо оставлять себе. Что касается последних... Библиофилия – род религии, и это на всю жизнь...

– Очень трогательно и возвышенно. А теперь скажите мне, какое отношение ваши пафосные речи имеют к «Девяти вратам»?

– Вы, помнится, спросили: а что, если мой экземпляр поддельный?.. Могу ответить сразу: он поддельный.

– Откуда вы знаете?

– Знаю абсолютно точно.

Корсо скривил рот. Grimаса выражала его отношение к критериям абсолютной точности в библиофилии.

– Но ведь в «Универсальной библиографии» Матеу и в каталоге Терраля-Коя он значится как подлинник...

– Да, – признал Варо Борха. – Но Матеу допустил маленькую оплошность: он указывает на наличие восьми гравюр, а их в этом экземпляре девять... Что тут говорить – любым официальным свидетельствам о подлинности грош цена. Если судить по библиографическим описаниям, экземпляры Фаргаша и Унгерн тоже безупречны.

– А может, так оно и есть. Все три книги – настоящие.

Книготорговец решительно покачал головой:

– Исключено! Протоколы следствия по делу печатника Торкьи не оставляют места сомнениям: мог уцелеть лишь

один экземпляр. – Варо Борха загадочно улыбнулся. – Но у меня есть и другие основания для такого вывода.

– Например?

– А вот это вас не касается.

– Тогда зачем вам понадобился я?

Варо Борха резким движением отодвинул кресло от стола и встал.

– Следуйте за мной.

– Я ведь уже сказал. – Корсо дернул подбородком. – Меня не интересуют подробности этой истории.

– Ложь. Вы просто умираете от любопытства и на сей раз выслушаете меня бесплатно.

Он схватил чек большим и указательным пальцами и су-нул в жилетный карман. Потом по винтовой лестнице по-вел Корсо на верхний этаж. Офис книготорговца распола-гался за жилым домом, в средневековой постройке, какие еще сохранились в старой части города. На приобретение здания и его реконструкцию Варо Борха потратил целое со-стояние. По коридору они дошли до вестибюля и главного входа, потом очутились перед дверью, на которой было уста-новлено современное охранное устройство с кнопками. Во-шли в большую комнату с черным мраморным полом, тяже-лыми потолочными балками и окнами, забранными старин-ными решетками. Корсо увидел письменный стол, кожаные кресла и большой камин. На стенах – гравюры в прекрасных рамах. Гольбейн и Дюрер, сразу определил Корсо. И разуме-

ется, там стояли книжные шкафы.

– Красиво, – признал Корсо, который раньше тут не бывал. – Но я всегда думал, что вы храните книги в подвале, на складе...

Варо Борха остановился прямо перед ним.

– Здесь – мои книги; ни одна не предназначена на продажу. Кто-то собирает рыцарские романы, кто-то – любовные. Одни ищут «Дон Кихотов», другие – неразрезанные тома... А у книг, которые вы видите здесь, общий главный герой – дьявол.

– Можно взглянуть?

– Для того я вас сюда и привел.

Корсо сделал несколько шагов. Все книги были в старинных переплетах – от инкунабул в досках, обтянутых кожей, до томов в сафьяне, украшенном металлическими накладками и цветами. Протопав нечищеными башмаками по мраморному полу, Корсо остановился перед одним из застекленных шкафов и наклонился, чтобы лучше разглядеть содержимое: «*De spectris et apparitionibus*»³⁵ Хуана Рививо. «*Summa diabolica*»³⁶ Венедикте Казiano. «*La Haine de Satan*» Пьера Креспе³⁷. «*Steganografia*» аббата Триттемия³⁸.

³⁵ «О привидениях и явлениях» (лат.).

³⁶ «О дьяволе» (лат.).

³⁷ «Сатанинская ненависть» (фр.). Пьер Креспе (1543–1594) – французский бенедиктинец. Полное название книги «*Deux Livres de la Hayne de Sathan et Malins Esprist contre l'Homme*».

³⁸ *Стеганография* (греч.) – наука о сокрытии одной информации внутри дру-

«De Consummatione saeculi» Понтиано...³⁹ Книги сплошь ценнейшие и редчайшие. В большинстве своем они были известны Корсо только по библиографическим описаниям.

– Ну? Разве бывает что-нибудь прекраснее? – выдохнул Варо Борха, внимательно наблюдая за каждым движением Корсо. – Что может сравниться с этим спокойным сиянием – позолота на коже... за стеклами... Не говоря уж о самих сокровищах, таящихся в этих шкафах; века научных штудий, века мудрости... ответы на загадки мироздания и человеческого сердца. – Он чуть приподнял руки, но тотчас снова опустил, не в силах выразить словами переполнявшую его гордость за эти богатства. – Я знаю людей, которые пошли бы на убийство ради такой коллекции.

Корсо кивнул, не отводя глаз от книг.

– Вы, например, – бросил он. – Разумеется, сами вы убивать не стали бы. А нашли бы людей, готовых сделать это за вас.

Раздался презрительный смех Варо Борхи.

– Именно. В этом преимущество богатых – для грязной работы можно нанимать других. А самому оставаться чи-

гой. *Иоанн Триттемий* (род. в местечке Тритхейм, недалеко от Трира, отчего и получил свое прозвище; 1462–1516) – аббат Шпангеймского монастыря, затем глава аббатства Святого Якова в Вюрцбурге; автор трудов по истории Германии, богословию и оккультным наукам.

³⁹ «De Consummatione saeculi, de adventu secundo Domini, et de Nova Ecclesia» («О конце мира, о втором пришествии Господа и о Новой Церкви», 1771).

СТЫМ.

Корсо вперил взгляд в книготорговца.

– Это одна точка зрения, – заметил он после минутной паузы; казалось, услышанное заставило его призадуматься. – А вот я больше презираю тех, кто никогда не пачкает собственных рук. Чистеньких.

– А мне плевать, кого вы презираете, а кого нет. Давайте лучше обсудим серьезные вещи.

Варо Борха прошелся вдоль шкафов. В каждом стояло около сотни томов.

– «Ars Diaboli»... – Он открыл дверцу ближнего шкафа и тронул кончиками пальцев, словно лаская, корешки. – Никогда и нигде вы не увидите такие книги, собранные вместе. Здесь все самое редкое, лучшее из лучшего. Я потратил на это много лет, но недоставало главной книги – жемчужины коллекции.

Он достал один из томов – ин-фолио, переплет черной кожи в венецианском стиле, без названия, с пятью горизонтальными полосками на корешке и золотой пентаграммой на переплете. Корсо взял книгу в руки и бережно открыл. Первая печатная страница – прежде она служила обложкой – была на латыни: «DE UMBRARUM REGNI NOVEN PORTIS» – «Книга о Девяти вратах в Царство теней». Ниже стояла марка печатника, место издания, имя и дата: «Venetiae, apud Aristidem Torquiam. M.DC.LX.VI⁴⁰».

⁴⁰ Венеция, в доме Аристида Торкьи. 1666 (лат.).

Cum superiorum privilegie veniaque»⁴¹.

Варо Борха с интересом ждал реакции Корсо.

– Сразу узнаёшь библиофила, – заметил он. – Даже по манере держать книгу.

– Я не библиофил.

– Разумеется. Хотя в вас есть нечто такое, за что можно простить ваши замашки солдафона-наемника... Знаете, бывает, человек так обращается с книгой, что это действует на меня умиротворяюще... А бывает, чьи-то руки кажутся мне руками преступника.

Корсо перевернул еще несколько страниц. Весь текст был на латыни, напечатан на плотной бумаге превосходного качества, которая не боялась разрушительного хода времени. Книга включала девять великолепных гравюр – каждая на отдельной странице, – изображавших сцены в средневековом стиле. Корсо наугад выбрал одну. Она была помечена латинской цифрой V, плюс какой-то еврейской буквой или цифрой и еще одной – греческой. В самом низу он разглядел некое сокращение или шифр: «FR.STA». Человек, похожий на торговца, стоя у закрытой двери, пересчитывает золото в мешке, не замечая, что за спиной у него притаился скелет, который в одной руке держит песочные часы, а в другой – вилы.

– Ваше мнение?

– Вы сказали, что это подделка, но мне так не кажется. Вы

⁴¹ С привилегией и с дозволения вышестоящих.

и вправду хорошо проверили?

– С лупой – и все до последней запятой. У меня было на это достаточно времени, ведь книгу я приобрел полгода назад, когда наследники Гуалтерио Терраля решили продать его библиотеку.

Охотник за книгами перелистнул еще несколько страниц. Гравюры были очень хороши – их отличала какая-то наивная и загадочная изысканность. На следующей гравюре изображалась юная дева, палач в доспехах готовился отрубить ей голову. Он уже поднял меч.

– Сомневаюсь, что наследники выставили на продажу подделку, – заговорил Корсо, оторвавшись от гравюры. – Они отнюдь не бедны, и до книг им дела нет. Даже каталог распродаваемой библиотеки пришлось заказывать аукционному дому «Клеймор»... К тому же я знал старого Терраля. Он никогда не стал бы держать у себя не только фальшивку, но даже просто сомнительный экземпляр.

– Совершенно с вами согласен, – отозвался Варо Борха. – Добавим, что Терраль получил «Девять врат» в наследство от своего тестя дона Лисардо Коя, библиофила с безупречной репутацией.

– А тот в свою очередь, – Корсо положил книгу на стол и достал из кармана блокнот, – купил ее у итальянца Доменико Кьяры, чья семья владела ею, согласно каталогу Вейсса⁴², с 1817 года...

⁴² Шарль Вейсс (1779–1865) – французский литератор и библиограф.

Книготорговец довольно кивнул:

– Вижу, вы основательно изучили вопрос.

– Естественно, изучил. – Корсо глянул на него так, словно он сморозил несусветную глупость. – Это моя работа.

Варо Борха сделал примирительный жест.

– Я и не думал сомневаться в добропорядочности Терраля или его наследников, – поспешил добавить он. – Я даже не отрицаю, что книга старая.

– Вы сказали, что это подделка.

– Пожалуй, я неточно выразился, и слово «подделка» в данном случае не вполне уместно.

– Так что вы имеете в виду? Все соответствует той эпохе. – Корсо снова взял книгу в руки и, нажав на нижний угол, заставил страницы веером прошелестеть под его большим пальцем, а сам тем временем внимательно прислушивался. – Даже бумага шелестит как положено.

– Да, и все же в книге есть кое-что, что «шелестит» не как положено. И бумага тут ни при чем.

– Вы имеете в виду ксилографии.

– А с ними-то что?

– Неувязочка. Следовало ожидать, что гравюры будут на меди. Ведь в 1666 году уже никто не делал гравюры на дереве.

– Не забывайте: речь идет об особом издании. Эти гравюры воспроизводят другие, куда более ранние, которые, скорее всего, каким-то образом попали печатнику в руки.

– «Деломеланикон»... Вы на самом деле в это верите?

– До моей веры вам не должно быть никакого дела. Но рисунки, по которым выполнены девять гравюр, включенные в эту книгу, приписываются не абы кому... По преданию, Люцифер после поражения и изгнания с небес составил для своих последователей некий набор магических формул – своего рода справочник по миру теней. Эту ужасную книгу тщательно прятали, несколько раз сжигали, продавали за безумные деньги тем немногим числом избранники, в чьи руки она все-таки попадала... Так что на самом деле эти иллюстрации – адские загадки. Тому, кто с помощью текста и соответствующих знаний разгадает их смысл, они позволят вызывать князя тьмы.

Корсо кивнул с напускной важностью:

– Мне известны более простые способы продать душу дьяволу.

– Поймите, я не шучу, все гораздо серьезнее, чем кажется... Знаете, что означает «Деломеланикон»?

– Надеюсь, что да. Идет от греческого: *delos* – ясный, явленный. И *melas* – черный, темный.

Варо Борха визгливо засмеялся, выражая таким образом свое одобрение.

– Я забыл, что вы – образованный наемник. Да, вы совершенно правы: звать к тьме или проливать на нее свет. Пророк Даниил, Гиппократ, Иосиф Флавий, Альберт Великий и

Лев III⁴³ – все они упоминали эту чудесную книгу. И хотя люди научились писать шесть тысяч лет назад, «Деломеланикон», согласно легенде, раза в три старше... Первое прямое упоминание о нем обнаружили на папирусе из Туриса, а возраст его – тридцать три века. Затем, где-то между первым веком до Рождества Христова и вторым веком нашей эры он несколько раз цитируется в «Corpus Hermeticum»⁴⁴. Согласно «Asclemandres», эта книга позволяет «встать лицом к лицу со Светом»... И в неполном описании Александрийской библиотеки, составленном в 646 году, перед ее последним и окончательным уничтожением, книга тоже упоминается в связи с девятью магическими загадками, которые в ней содержатся... Неизвестно, существовала она в одном экземпляре или в нескольких и уцелел ли хоть один из них после пожара... С тех пор след ее то возникает, то вновь теряется на дорогах Истории – среди пожаров, войн, катастроф...

Корсо скорчил недоверчивую гримасу, обнажив передние зубы:

– Как всегда. Все замечательные книги имеют схожие ле-

⁴³ *Иосиф Флавий* (37 – после 100) – древнееврейский историограф. *Альберт Великий* (Альберт фон Больштедт; ок. 1193–1280) – немецкий философ и теолог, учитель Фомы Аквинского. *Лев III* (ок. 675–741) – византийский император с 717 г., основатель Исаврийской династии; положил начало иконоборчеству.

⁴⁴ «Герметический корпус» (*лат.*) – свод сочинений, приписываемых Гермесу Трисмегисту (Гермесу Триждывеличайшему, основателю тайного алхимического искусства II–III вв.).

генды: от Тота до Никола Фламелья...⁴⁵ Однажды один мой клиент, увлекавшийся герметической химией, велел мне отыскать для него книги по списку, составленному Фулканелли⁴⁶ и его последователями... И что вы думаете? Мне так и не удалось убедить его, что половина из тех книг никогда не была даже написана.

– А вот эта, безусловно, написана была. И мы можем с большой долей уверенности говорить о ее существовании, коль скоро святая инквизиция включила ее в свой «Индекс запрещенных книг»... Итак, ваше мнение?

– Мое мнение никакой роли не играет. Бывает, что адвокаты не верят в невиновность своих подзащитных и тем не менее добиваются их оправдания.

– Это мне и нужно. Я плачу не за веру, а за рвение и результат.

Корсо перелистнул еще несколько страниц. На гравюре под номером I изображался город, расположенный на вершине холма и окруженный зубчатой стеной. К городу скакал

⁴⁵ *Тот* – в египетской мифологии бог мудрости, счета и письма; писцы считали его своим покровителем; в эллинистический период ему приписывалось создание священных книг. *Никола Фламель* (1330–1418) – французский писатель и ученый; сначала занимался составлением гороскопов, астрологией, затем увлекся поисками философского камня, обращался за помощью к еврейским ученым, жившим в Испании. В 1382 г. ему якобы удалось получить искусственным путем золото. Неведомо откуда появившееся огромное богатство принесло ему славу колдуна.

⁴⁶ *Фулканелли* – псевдоним (от *лат.* *vulcanus* и *греч.* *helios*) автора-алхимика XX в.

странный рыцарь – без оружия. Он прижимал палец к губам, требуя то ли внимания, то ли молчания. Надпись гласила: «NEM. PERV.T QUI N.N LEG. CERT.RIT.».

– Это сокращение легко расшифровать, – пояснил Варо Борха, следивший за каждым его движением. – «Nemo pervenit qui non legitime certaverit...»

– «Никто из тех, кто сражался против правил, его не достигнет»?

– Более или менее так. На сегодняшний день это единственная из девяти надписей, которую мы можем с уверенностью восстановить. И изречение почти в таком же виде цитируется Роджером Бэконом⁴⁷, который всерьез занимался демонологией, криптографией и магией... Бэкон утверждал, что владеет «Деломеланиконом», который принадлежал царю Соломону, – с ключами к разгадке ужасных тайн. Та книга, состоявшая из пергаментных свитков с иллюстрациями, была сожжена в 1350 году по личному приказу папы Иннокентия VI⁴⁸, который заявил: «В ней описаны способы, которыми можно призывать демонов...» Три века спустя Аристид Торкья решил напечатать книгу в Венеции, воспроизведя те самые рисунки.

– Они слишком безупречны, – возразил Корсо. – А потому

⁴⁷ Роджер Бэкон (ок. 1214–1292) – английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Занимался оптикой, астрономией, алхимией.

⁴⁸ Неточность: Иннокентий VI занимал папский престол с 1352 по 1362 г.; в 1350-м папой был Климент VI (1342–1352).

не могут быть теми же самыми: там стиль был бы архаичнее.

– Спорить не стану. Наверняка Торкья осовременил их.

На картинке с номером III изображался мост через реку: с двух концов вход на мост преграждали запертые крепкие ворота. Подняв глаза, Корсо заметил, что Варо Борха загадочно улыбается, словно алхимик, уверенный в том, что процесс в его трубках пошел.

– Еще одно соображение, – сказал книготорговец. – Джордано Бруно – мученик рационализма, математик и рыцарь, доказывающий, что Земля вращается вокруг Солнца... – Он презрительно махнул рукой, словно говорил о вещах второстепенных. – Это лишь часть его интересов, его труды составили шестьдесят один том, и магии там отведено важное место. Так вот, заметьте: Бруно недвусмысленно ссылается на «Деломеланикон» и даже использует греческие слова «delos» и «melas», добавляя: «На пути у людей, которые ищут знание, встают девять тайн», а далее упоминает о способах, которые помогут Свету вновь воссиять... «Sic luceat Lux», и не случайно ту же марку – дерево, в которое попала молния, змею и девиз – Аристид Торкья воспроизвел на фронтисписе «Девяти врат»... Что вы об этом думаете?

– Все складно. Но в подобный текст легко вложить любой смысл, особенно если он относится к стародавним временам и написан не слишком ясно.

– Или смысл его намеренно замутнен – из осторожности. Хотя Джордано Бруно забыл золотое правило выживания:

sapere, tacere. Знать и молчать. Наверное, понимал, чем ему это грозит, и все же говорил больше, чем следует. Но проследим совпадения: Джордано Бруно заключают под стражу, объявляют неисправимым еретиком и отправляют на костер в Риме, на Кампо деи Фьори, в феврале 1600 года. Тем же маршрутом, по тем же местам и в те же дни, но шестьдесят семь лет спустя будет пролегать путь печатника Аристиди Торкьи: арестуют его в Венеции, пытать будут в Риме, сожгут на Кампо деи Фьори в феврале 1667-го. В ту пору людей уже не так часто сжигали на костре, но, заметьте, этого все-таки сожгли.

– Потрясающе, – сказал Корсо, который ни малейшего потрясения не испытывал.

Варо Борха недовольно проскрипел:

– Иногда я задаюсь вопросом: а вы способны вообще во что-нибудь верить?

Корсо сделал вид, что задумался, потом пожал плечами:

– Были времена, когда кое во что я верил... Но тогда я был молод и жесток. Теперь мне сорок пять – и я сделался старым и жестоким.

– Что ж, я тоже стал таким. Но есть вещи, в которые я верю. От которых пульс бьется чаще.

– Например, деньги?

– Не смейтесь. Деньги – ключ, открывающий людям потайные двери. Благодаря им я могу купить, скажем, вас. Они помогают мне получать то, что я больше всего ценю в этом

мире, – книги. – Он сделал несколько шагов вдоль шкафов. – А в книгах, как в зеркале, отражается образ и жизненный путь тех, чьи писания заполняют их страницы. Отражаются тревоги, тайны, желания, жизнь, смерть... Это живая материя – надо уметь обеспечить им питание, защиту...

– А также использовать их.

– Иногда.

– Но эту книгу вам использовать не удастся.

– Не удастся.

– Хотя вы уже попытались это сделать.

Корсо не спрашивал, а утверждал. Варо Борха бросил на него злой взгляд:

– Не говорите глупостей. Я бы выразился так: я уверен, что книга поддельная, – этого довольно; поэтому я хочу сравнить ее с другими экземплярами.

– Еще раз повторяю: я не вижу оснований считать вашу книгу фальшивкой. Даже в книгах одного тиража бывают несходства... По правде говоря, двух совершенно одинаковых экземпляров попросту не найти, ибо уже в момент появления на свет возникают какие-то мелкие различия. Потом каждый том начинает жить своей жизнью – страницы исчезают, добавляются, заменяются, делаются переплеты... Минуют годы, и две книги, отпечатанные одним и тем же станком, уже мало чем похожи друг на друга. С вашей могло случиться то же самое.

– Выясните это. Расследуйте историю «Девяти врат» так,

словно дело идет о преступлении. Идите по следу, проверьте каждую страницу, каждую гравюру, бумагу, переплет... Ищите в прошлом и точно установите, откуда взялся мой экземпляр. А в Синтре и в Париже то же самое проделайте с двумя другими книгами.

– Мне бы очень помогло, если бы вы согласились сообщить, как узнали, что ваш экземпляр – подделка.

– Не могу сказать. Верьте моей интуиции.

– Ваша интуиция обойдется вам в копейку.

– Старайтесь денег на ветер не бросать.

Он вынул из кармана чек и протянул Корсо. Тот повертел его в явном замешательстве.

– Почему вы платите мне вперед?.. Раньше за вами такого не водилось.

– Вам предстоят большие расходы. А это – чтобы вы начали шевелиться. – Он передал Корсо толстую папку. – Здесь собрано все, что мне удалось узнать про книгу, – может пригодиться.

Корсо по-прежнему смотрел на чек.

– Многовато для аванса.

– Возможны осложнения...

– Да ну?

Книготорговец закашлялся, словно прочищая горло. Наконец-то они подошли к сути задания.

– Если все три экземпляра окажутся поддельными или неполными, – продолжал Варо Борха, – вы вправе умыть ру-

ки и забыть об этом деле... – Он замолк, провел ладонью по бронзовой лысине, потом как-то суетливо улыбнулся Корсо. – Но одна из книг может быть подлинной, и тогда я дам вам еще денег. Потому что желаю получить ее – сколько бы мне это ни стоило. Хочу, и все!

– Вы, надеюсь, шутите?

– Я не похож на шутника, Корсо.

– Тут пахнет криминалом.

– А прежде вы всегда считались с законом?

– Не в делах такого уровня.

– Но ведь вам никто и не платил столько, сколько готов заплатить я.

– А гарантии?

– Я даю вам с собой книгу – для работы... Разве это недостаточная гарантия?

Тик-так. Корсо, державший «Девять врат» в руках, заложил чек на манер закладки между страницами и сдул с переплета воображаемую пыль, а потом возвратил том Варо Борхе.

– Вы только что говорили, что за деньги можно купить все, – вот и попробуйте сами. Ступайте и потолкните с владельцами книги. Готов спорить, возвратитесь вы, поджав хвост...

Он развернулся и двинулся к двери, спрашивая себя, сколько шагов успеет сделать, прежде чем Варо Борха окликнет его. И успел сделать три шага.

– Хорошо, будем считать, что это дело не для людей в сутанах, – сказал тот. – Оно для тех, кто хорошо владеет шпагой.

Он сменил тон. Не осталось и следа ни от барского высокомерия, ни от презрения, какое он обычно выказывал тем, кого нанимал на службу. Пока башмаки Корсо мягко ступали по мраморному полу, ангел на ксилографии Дюрера мягко взмахнул крыльями в рамке под стеклом. Варо Борха стоял между шкафом, набитым книгами, и решетчатым окном с видом на собор, в окружении всего, что можно купить за деньги, – стоял и растерянно моргал. С лица его еще не до конца сошла самодовольная ухмылка; и рука продолжала раздраженно похлопывать по переплету. Но Лукас Корсо задолго до этого триумфального мига научился угадывать в чужих глазах приметы скорой капитуляции. А также – приметы страха.

Его сердце билось спокойно и уверенно, когда, не вымолвив ни слова, он резко повернул назад и приблизился к Варо Борхе. Вытащил чек, торчащий из «Девяти врат», старательно сложил его пополам и сунул в карман. Затем взял папку и саму книгу.

– Я буду держать вас в курсе дела, – отчеканил он.

Он знал, что жребий брошен, первый ход в игре сделан и пути назад нет. Но игра влекла его. Он спустился по лестнице, оставив позади эхо собственного невеселого смеха. Варо Борха ошибался. Кое-что нельзя купить ни за какие деньги.

Лестница выходила прямо во дворик, где Корсо увидел колодец с высокой закраиной и двумя мраморными венецианскими львами. Дворик отделялся от улицы решеткой. Со стороны Тахо тянуло противной сыростью, так что Корсо даже остановился под аркой в мавританском стиле и поднял воротник плаща. По узким и тихим улочкам, выложенным булыжником, он дошел до маленькой площади. Там находился бар с металлическими столиками. Неподалеку несколько каштанов с голыми ветками жались к церковной колокольне. Корсо расположился на террасе, выбрав квадратик ласкового солнца, и попытался в его лучах согреть застывшее тело. Две порции чистого джина, без льда, помогли ему прийти в норму. Только тогда он открыл досье на «Девять врат» и смог всерьез заняться его содержимым.

Досье включало справку на сорока восьми машинописных страницах: история книги, весь путь от ее предполагаемого предшественника «Деломеланикона» (или «Заклипания тьмы») до труда Торкьи «Девять врат в Царство теней», напечатанного в Венеции в 1666 году. Было еще несколько приложений: библиография, фотокопии цитат из книги, использованных в классических сочинениях, и сведения о других известных экземплярах – владельцы, даты приобретения, нынешние адреса, случаи реставрации. Здесь же находилась копия протоколов процесса над Аристидом Торкьей и рассказ свидетеля событий, некоего Дженнаро Галеаццо,

описавшего последние минуты жизни несчастного печатника:

Он поднялся на помост, отказавшись от примирения с Господом и храня упорное молчание. Когда разгорелся огонь в костре, он начал задыхаться от дыма и, широко раскрыв глаза, издал страшный крик, вручая судьбу свою Отцу Небесному. Многие из присутствовавших при сем осенили себя крестным знаменем, ибо он молил Бога о милосердии, просил легкой смерти. Другие же говорили, что крик свой он обратил к земле, вернее, к подземному миру...

Какой-то автомобиль проехал по другой стороне площади и свернул на улицу, ведущую к собору. По шуму двигателя можно было предположить, что за углом машина притормозила, а затем последовала дальше по улице. Корсо не обратил на это ни малейшего внимания – он тщательно осматривал страницы книги. Первая когда-то служила обложкой, следующая оставалась чистой. Только на третьей, начинавшейся красивой буквицей N, собственно, и появлялся текст. Сперва шло загадочное вступление:

Nos p.tens L.f.r, juv.te Stn. Blz.b, Lvtn, Elm, atq Ast.rot.
ali.q, h.die ha.ems ace.t pct fo.de.is c.m t. qui no.st; et
h.ic pol.icem am-rem mul. flo.em virg.num de.us mon. hon
v.lup et op. for.icab tr.d.o, eb.iet i.li c.ra er. No.is of.ret se.el
in ano sag. sig. s.b ped. cocul.ab sa Ecl.e et no.s r.gat i.sius
er.t; p.ct v.v.t an v.q fe.ix in t.a hom. et ven. os.ta int. nos
ma.et D:

Fa.t in inf int co.s daem.

Satanas. Beizebub, Lcfr, Elimi, Leviathan, Astaroth

Siq pos mag. diab. et daem.pri.cp dom.

За вступлением, автор которого был очевиден, начинался текст. Корсо прочел первые строки:

D.mine mag.que Lfr, te D.um m. et.pr ag.sco. et pol.c.or
t ser.ire. a.ob.re quam.d p. vvre; et rn.io al.rum d. et js.ch.st.
et a.s sn.ts tq.e s.ctas e. ec.les. apstl. et rom. et om. i sc.am.
et o.nia ips. s.cramen. et o.nes. atio et r.g. q.ib fid. pos.nt
int.rcd. p.o me; et t.bi po.lceor q. fac. qu.tqu.t m.lum pot.,
et atra. ad mala p. omn. Et ab.rncio chrsm. b.ptm et omn...

Он поднял глаза к портику церкви, где поверху, над колоннами, шли изображения Страшного суда, поблекшие от дождей и ненастья. Под ними, в углублении на центральной колонне, стоял Вседержитель, очень грозный на вид, и его поднятая правая рука сулила скорее кару, нежели милосердие. В левой руке он держал раскрытую книгу, и Корсо не мог избежать сопоставления. Потом скользнул взглядом по церкви и окружающим ее зданиям; на фасадах сохранились епископские гербы, и ему подумалось, что когда-то и эта площадь видела пылающие костры инквизиции. В конце концов, это был Толедо. Горнило испытания для тайных культов, мистических ритуалов, псевдообращенных. И еретиков.

Прежде чем вернуться к книге, он отпил большой глоток джина. Текст занимал сто пятьдесят семь страниц и со-

стоял из сокращенных латинских слов, последняя страница осталась чистой. Плюс девять знаменитых гравюр, вдохновленных, по преданию, рисунками самого Люцифера. Каждая ксилография была помечена латинской, еврейской и греческой цифрами, присутствовали там и латинские надписи, – но, как и остальной текст, были они загадочным образом сокращены. Разглядывая их, Корсо заказал еще одну порцию джина. Они напоминали карты Таро или старые средневековые гравюры: король, нищий, отшельник, повешенный, смерть, палач. На последней картинке была изображена красивая женщина, оседлавшая дракона. Слишком красивая для церковной морали той эпохи, отметил Корсо.

Потом он отыскал ту же гравюру на фотокопии из «Универсальной библиографии» Матеу, хотя на самом деле гравюра не была той же самой. У Корсо в руках был экземпляр Терраля-Коя, а копия воспроизводила гравюру из другой книги, о чем старый эрудит с острова Майорка и сообщал в 1929 году:

Торкья (Аристид). «De Umbrarum Regni Novem Portis». Venetiae, apud Aristidem Torchiam. MDCLXVI. In folio. 160 стр., включая обложку. 9 гравюр на дереве. Исключительная редкость. Известны только 3 экз. Библиотека Фаргаша, Синтра, Португ. (см. иллюстрацию). Библиотека Коя, Мадрид, Исп. (отсутствует гравюра 9). Библиотека Мореля⁴⁹, Париж,

⁴⁹ Федерик Морель (Старший; 1523–1583) – французский гуманист, печатник,

Франц.

Отсутствует гравюра номер IX. Это неверно, решил Корсо. Ксилография номер IX в экземпляре, который он теперь держал в руках, была на месте, цела и невредима, – раньше книга хранилась в библиотеке Коя, затем у Терраля-Коя, а нынче она стала собственностью Варо Борхи. Видимо, в описание прокралась ошибка – либо по вине типографии, либо по вине самого Матеу. В 1929 году, когда вышла «Универсальная библиография», печатная техника, как и средства распространения, еще не была достаточно развита. Большинство эрудитов описывали книги с чужих слов. Возможно, неполным был один из тех двух экземпляров. Корсо сделал пометку на полях. Это следовало проверить.

Часы пробили три, и стая голубей взмыла вверх с башни и крыш соседних домов. Корсо словно очнулся после сна, но приходил в себя медленно. Похлопал по карманам, вытащил купюру, положил на стол и встал. Джин дал ему приятное ощущение отстраненности от всего внешнего, звуки и образы реальной жизни доходили до него словно сквозь вату. Он сунул книгу и досье в холщовую сумку, повесил ее на плечо и несколько мгновений стоял, созерцая гневного Вседержителя в портике. Корсо имел в запасе достаточно времени и, решив прогуляться, пошел на вокзал пешком.

Дойдя до собора, он двинулся к крытой галерее, чтобы сократить путь. Поравнялся с сувенирным киоском, который

уже не работал, остановился посмотреть на реставрационные леса, закрывавшие настенную живопись. Вокруг было пусто, и его шаги гулко отдавались под сводами. В какое-то мгновение ему почудился шум за спиной. Видно, священник спешил в исповедальню.

Через железные ворота Корсо вышел на темную и слишком узкую для машин улицу – стены домов здесь были ободраны автомобилями. И в этот миг услышал шум мотора, слева, за тем поворотом, который только что миновал. Впереди висел дорожный знак – треугольник, предупреждающий, что улица сужается, – и, когда Корсо достиг этого знака, сзади буквально взревел мотор. Рев приближался – слишком быстро, мелькнуло у Корсо, и он хотел оглянуться, но сделать этого не успел, потому что понял: черная громада несется прямо на него. Рефлексы его были слегка заторможены джином, но внимание по чистой случайности еще было приковано к дорожному знаку. Инстинкт толкнул его именно туда – в узкий зазор между металлическим столбом и стеной. Он втиснул тело в это убежище, так что пролетавший мимо автомобиль задел только руку. Удар оказался сильным – Корсо даже рухнул на колени, прямо на мостовую. А машина, взвизгнув шинами, скрылась в конце улицы.

Потирая ушиб, Корсо поплелся на станцию. Но теперь он время от времени оглядывался назад, и сумка с «Девятью вратами» жгла ему плечо. У него было секунды три, не больше, чтобы разглядеть водителя, но и этого оказалось доволь-

но: за рулем автомобиля, который только чудом не сбил его, сидел черноволосый тип с усами и шрамом. Из бара Макаровой. Тот самый, что позднее в шоферской форме стоял перед домом Лианы Тайллефер и читал газету. Но теперь он управлял не «ягуаром», а «мерседесом».

Глава 4. Человек со шрамом

Откуда он явился, не знаю. Но куда направляется, могу вам сказать: в преисподнюю.

А. Дюма. Граф Монте-Кристо

Корсо добрался до дома уже в сумерки. Ушибленную руку он держал в кармане плаща, и она отчаянно болела. Он сразу направился в ванную, поднял с пола мятую пижаму и полотенце, потом сунул руку под струю холодной воды и держал минут пять. Затем переместился на кухню, открыл пару консервных банок и, не садясь, поужинал.

День выдался странный и опасный. Корсо размышлял над этим, вспоминая всю цепочку необычных происшествий, но чувствовал не столько тревогу, сколько любопытство. С некоторых пор его реакция на неожиданности сводилась к бесстрастному фатализму – он просто ждал, какой следующий шаг сделает судьба. Благодаря такой отстраненности ему неизменно удавалось избежать роли главного героя. До нынешнего утра, до того, что произошло на толедской улочке, он всегда был всего лишь исполнителем. И не более. Жертвами становились другие. Всякий раз, когда ему приходилось лгать или заключать с кем-то сделку, он вел себя отчужденно – никаких моральных обязательств ни перед людьми, ни перед вещами у него не возникало, они были

лишь сырьем, рабочим материалом. Эмоции исключались. У Лукаса Корсо была своя позиция: его услуги покупали – он выполнял задание и получал вознаграждение, ничего не принимая близко к сердцу. И пожалуй, такая позиция оказалась лучшим способом самозащиты. Точно так же, когда он снимал очки, люди и далекие предметы делались расплывчатыми и мутными: они лишались привычной четкости очертаний и потому вроде бы переставали существовать, с ними можно было и не считаться. Но боль в руке существовала, как и чувство угрозы, которая нависла над его собственной, а не чьей-то чужой жизнью, – чувство для него новое. Иными словами, ситуация коренным образом переменялась. Лукас Корсо, столько раз выполнявший функции палача, не привык ощущать себя жертвой. Он растерялся.

Болела не только рука, но и тело – от мышечного напряжения. К тому же у него пересохло во рту. Он открыл бутылку «Болса» и отыскал в сумке пачку аспирина. Он всегда носил все самое необходимое с собой: карандаши и ручки, наполовину исписанные блокноты, многофункциональный швейцарский нож, паспорт и деньги, пухлую телефонную книжку, свои и чужие книги. Поэтому он в любой момент мог исчезнуть, не оставив следа, как улитка со своим домиком. Сумка помогала ему устраивать себе импровизированное жилье в любом месте, куда его забрасывала судьба или засылали клиенты: в аэропортах, на вокзалах, в пыльной книжной лавке какого-нибудь европейского города, в гостиничных номерах,

слившихся в его воспоминаниях в одну-единственную комнату с размытыми приметам, где он, если внезапно проснулся в темноте, не мог сообразить, куда попал, судорожно нащупывал выключатель или искал телефон. Такие вот белые пятна обкрадывали его жизнь и его сознание. В те первые тридцать секунд, когда тело уже проснулось, а рассудок или память еще нет, он пребывал в растерянности и не был уверен даже в собственной реальности.

Корсо сел за компьютер, положив на стол с левой стороны свои блокноты и необходимые справочники, а справа – «Девять врат» и досье Варо Борхи. Потом, держа в руке сигарету, откинулся на спинку стула. Сигарета за пять минут истлела, а он так и не поднес ее ко рту. Все это время он ничего не делал – только медленными глотками допивал джин и глядел то на пустой экран, то на пентаграмму, украшающую переплет книги. Вдруг он словно очнулся. Ткнул окурок в пепельницу, нацепил на нос очки и принялся за работу. Сведения в досье Варо Борхи совпадали с тем, что было написано в «Энциклопедии книгопечатников и редких и любопытных книг» Крозе⁵⁰:

ТОРКЪЯ, Аристид. Венецианский книгопечатник, гравер и переплетчик (1620–1667). Типографское клеймо: змея и дерево, расщепленное молнией. Профессии обучался в Лейдене (Голландия), в

⁵⁰ Жозеф Крозе (1808–1841) – французский издатель, книготорговец и библиофил.

мастерской Эльзевиров. По возвращении в Венецию напечатал серию работ по философии и герметической философии малого формата (12°, 16°), которые очень ценились. Следует особо отметить «Тайны мудрости» Николаса Тамиссо (3 тома, 12°, Венеция, 1650) и «Ключ к плененным мыслям» (1 том, 132 г 75 мм, Венеция, 1653), «Три книги об искусстве» Паоло д'Эсте (6 томов, 8°, Венеция, 1658), «Занятое разъяснение тайн и иероглифических фигур» (1 том, 8°, Венеция, 1659), перепечатку «Утерянного слова» Бернара Тревизана⁵¹ (1 том, 8°, Венеция, 1661) и «Девять врат в Царство теней» (1 том, f°, Венеция, 1666). За издание последней книги был арестован инквизицией, мастерская его была разрушена, а вся печатная продукция, как и все заготовки, уничтожена. Торкья претерпел ту же участь, что и творения его рук. Обвиненный в занятиях магией и колдовством, он умер на костре 17 февраля 1667 года.

Корсо оторвался от компьютера, чтобы изучить первую страницу книги, стоившей жизни венецианцу. «DE UMBRARUM REGNI NOVEM PORTIS» – таково было заглавие. Ниже изображалась типографская марка. Тут могли быть разные варианты: одни ставили печать, другие простую монограмму, третьи выполняли сложный рисунок. Марка Аристиды Торкьи, как это и описал Крозе, представляла собой дерево, у которого одна ветка была отсечена молнией.

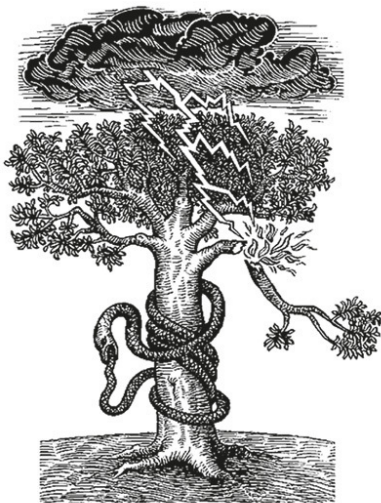
⁵¹ *Бернар Тревизан* (из Тревиза; ок. 1406–1490) – итальянский медик, алхимик, ему приписываются многие алхимические трактаты.

Вокруг ствола обвилась змея, заглатывающая собственный хвост. Рисунок сопровождался надписью: «Sic Luceat Lux». Внизу указывались место издания, имя печатника и дата: «Venetiae, apud Aristidem Torchiam» («Издано в Венеции, в доме Аристида Торкьи»). Ниже: «M.DC.LX.VI. Cum superiorum privilegio veniaque». С привилегией и с соизволением вышестоящих.

Корсо снова застучал по клавишам.

Экземпляр не имеет экслибриса, нет рукописных пометок. Книга полная, если верить аукционному каталогу коллекции Терраля-Коя («Клеймор», Мадрид). В описании Матеу допущена ошибка (указаны 8 гравюр, на самом деле их 9). Ин-фолио, 299 г 215 мм, 2 форзаца чистые страницы, 160 страниц и 9 ксилографий, пронумерованные от I до VIII. Страницы: 1 – титульный лист с маркой печатника, 157 страниц – текст. Последняя – чистая, без колофона. Все иллюстрации расположены вертикально, в полную страницу. Обрат страниц чистый.

DE VMBRARVM REGNI
NOVEM PORTIS

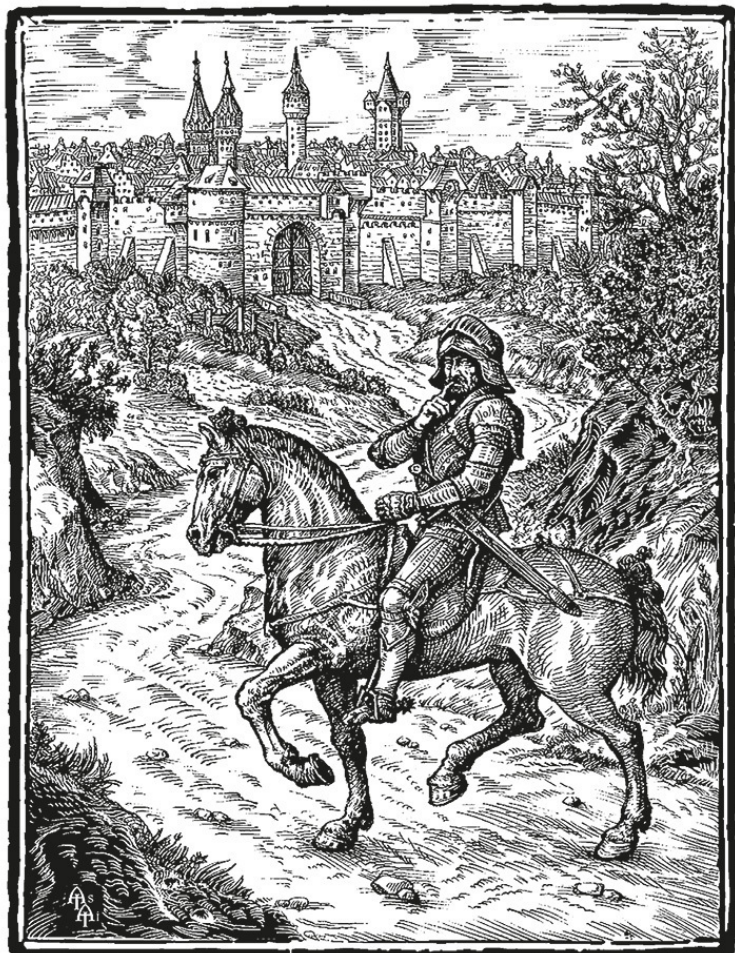

Sic Luceat Lux

Venetiae, apud Aristidem Torchiam

M.DC. LX. VI.

Cum superiorum privilegio veniaque

NEM. PERV.T QVI N.N LEG. CERT.RIT

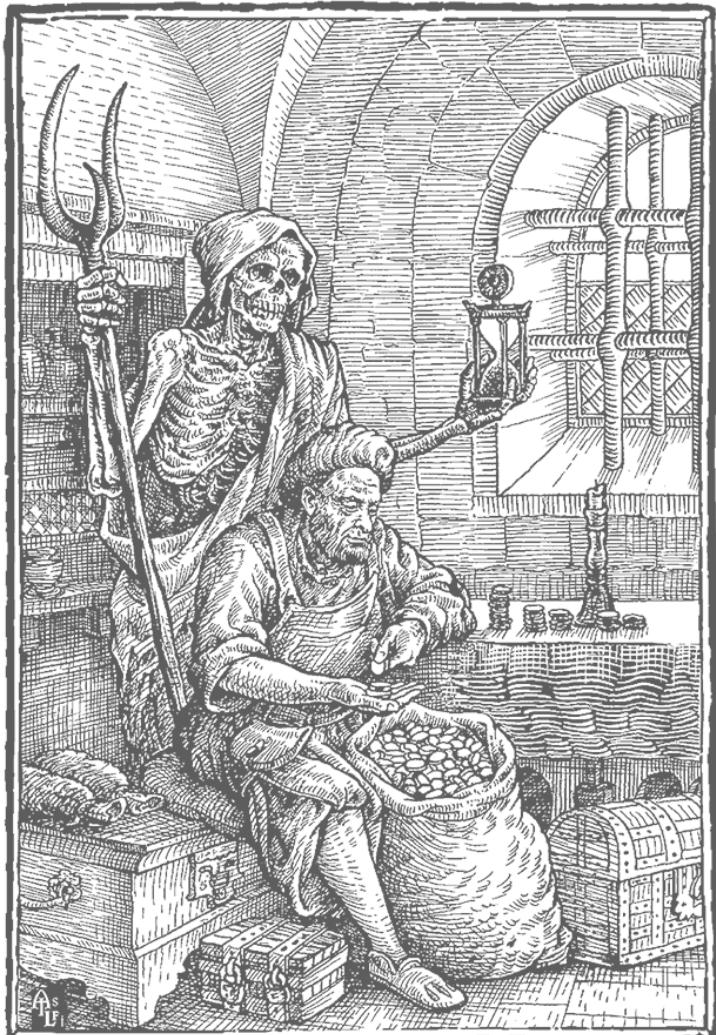

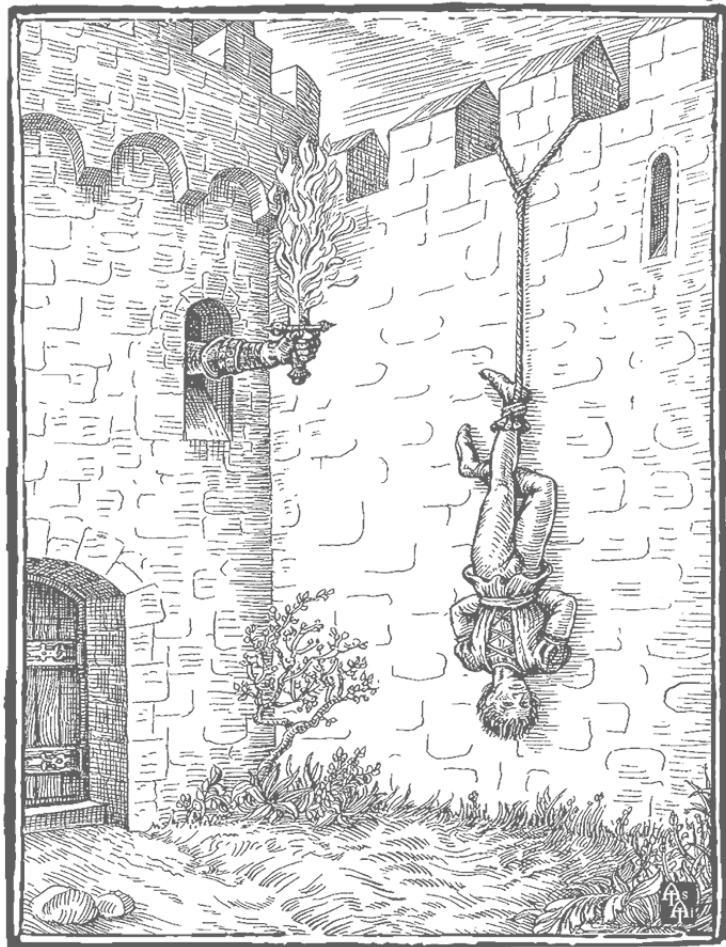
CLAVS. PAT.T

FOR. N.N OMN. A.QVE

DIT.SCO M.R.

DIS S P.TI.R M.

VIC. I.T VIR.

N.NC SC.O TEN.BR. LVX

Он внимательно, одну за другой изучил гравюры. По словам Варо Борхи, легенда приписывала первоначальные рисунки руке самого Люцифера. Каждая ксилография имела римскую цифру, обозначающую порядковый номер, затем шли ее еврейский и греческий эквиваленты, а также латинская фраза, состоящая из сокращенных слов. Корсо снова начал писать:

I. NEM. PER.V.T QUI N.N LEG. CERT.RIT:
Рыцарь скачет к окруженному зубчатой стеной городу. Прижатый к губам палец – призыв к осторожности и молчанию.

II. CLAUS. PAT.T: Отшельник стоит перед запертой дверью. На полу у его ног – лампа, в руке он держит два ключа. Рядом с ним собака. Здесь же начертан знак, напоминающий еврейскую букву «Тет».

III. VERB. D.SUM C.S.T ARCAN.: Странник – или пилигрим – направляется к мосту через реку. На каждом конце моста крепкие ворота, закрывающие доступ на него. На облаке – лучник, он держит под прицелом дорогу, которая ведет к мосту.

III. (Латинская цифра написана именно таким образом, а не как обычно – IV.) FOR. N.N OMN. A.QUE: Шут перед каменным лабиринтом. Вход в лабиринт тоже прегражден запертой дверью. На полу три игральные кости – у каждой видны сразу три грани, соответствующие цифрам 1, 2 и 3.

V. FR.ST.A: Скупой человек, видимо торговец,

пересчитывает золото. За ним стоит смерть, держит песочные часы.

VI. DIT.SCO M.R.: Повешенный, как на карте Таро, – повешен за ногу, руки связаны за спиной. Висит на зубце замка, рядом с запертой дверцей в крепостной стене. Из отверстия бойницы высовывается рука в латной рукавице, она сжимает пылающий меч.

VII. DIS.S P.TI.R M.: Король и нищий играют в шахматы на доске из белых клеток. В окно заглядывает Луна. Под окном у запертой двери дерутся две собаки.

VIII. VIC. I.T VIR.: У городской стены стоит на коленях женщина, подставив обнаженную шею палачу. На заднем плане видно колесо Фортуны, вокруг него три человеческие фигуры: одна наверху, вторая поднимается, третья упала под колесо.

VIII. (Именно так, а не обычное IX.) N.NC SC.O TEN.BR. LUX: Дракон о семи головах, верхом на нем едет обнаженная женщина. В руке у нее открытая книга. Месяц закрывает ей срамное место. На заднем плане пылающий замок на холме, ворота в него, как и на других гравюрах, заперты.

Корсо снял пальцы с клавиш, потянулся, разминая онемевшее тело, и зевнул. Комната тонула во мраке, только конус света от лампы и экран компьютера нарушали темноту. Через большое окно проникал слабый свет уличных фонарей. Корсо шагнул к окну, чтобы выглянуть на улицу, хотя не смог бы внятно объяснить, что именно ожидал там обнаружить. Возможно, стоящую у тротуара машину с погашен-

ными фарами и темным силуэтом внутри. Но ничего интересного снаружи не было. Лишь на миг прорезала тишину сирена «скорой помощи», скрывшейся за громадами мрачных зданий. Он глянул на колокольню ближайшей церкви: часы на башне показывали пять минут первого.

Корсо вновь вернулся к компьютеру и книге. Он решил повнимательней присмотреться к типографской марке на титульном листе – к змее, пожирающей свой хвост, которую Аристид Торкья выбрал в качестве символа для своих творений. «Sic luceat Lux». Змеи и демоны, заклинания и тайные знаки. Корсо с издевкой поднял стакан, словно посылая привет покойному книгопечатнику; видно, это был очень храбрый человек – или очень глупый. За такого рода произведения в Италии XVII века приходилось платить сполна, даже если издавались они «*cum superiorum privilegio veniaque*».

И тут Корсо замер и тотчас обругал себя последними словами. Он ругался вслух, вглядываясь в темные углы комнаты. Как он мог не сообразить раньше? «С привилегией и с позволения вышестоящих». Да ведь этого не могло быть...

Не отводя глаз от страницы, он откинулся на спинку стула, зажег новую сигарету и выпустил дым: между ним и лампой повисла серая прозрачная завеса.

Это самое «*cum superiorum privilegio veniaque*» – абсурд. Или тонкая уловка. Немыслимо даже предположить, что такая формула относилась к обычным властям. Католическая церковь в 1666 году ни за что не разрешила бы печатать по-

добную книгу, ведь прямой ее предшественник, «Деломеланикон», к тому моменту уже пятьдесят пять лет как значился в «Индексе запрещенных книг». Выходит, Аристид Торкья имел в виду вовсе не дозволение церковных цензоров. Разумеется, речь шла и не о мирской власти – не о правителях Венецианской республики. Разумеется, «вышестоящими» для него были другие.

От этих мыслей Корсо отвлек телефонный звонок. Флавио Ла Понте желал поведать о своем приобретении: он купил целую коллекцию книг, к которой прилагалась – таково было условие – еще и коллекция европейских трамвайных билетов. Если быть точным – 5775 штук. Все с симметричными номерами – то есть такими, что одинаково читаются слева направо и справа налево, все разложены по странам – в обувные коробки. Он не шутил. Коллекционер только что отдал душу Богу, и родственники хотели избавиться от билетов. Может, Корсо знает кого-нибудь, кто проявил бы к ним интерес? Да, конечно, он и сам понимает: человек, приложив невероятные усилия, собрал 5775 билетов с симметричными номерами, и в этом есть что-то безусловно патологическое. Ведь проку в них никакого. Кто купит такую дрянь? Да, идея хорошая: предложить коллекцию Лондонскому музею транспорта. Англичане... они ведь извращенцы... Не желает ли Корсо этим заняться?

И еще: его беспокоит рукопись Дюма. Ему уже звонили двое – мужчина и женщина, но не представились; их интере-

совало «Анжуйское вино». Что весьма странно, ведь в ожидании сообщений от Корсо он, Ла Понте, пока ни с кем о рукописи не говорил. Корсо рассказал ему о своей встрече с Лианой Тайллефер и о том, что сам назвал ей имя нового владельца рукописи.

– Она ведь знала о твоих встречах с покойным. И кстати, она желает получить копию расписки.

На другом конце провода раздался хохот Ла Понте. Какая еще, к черту, расписка! Тайллефер продал ему рукопись – и точка! Но коли вдова желает потолковать с ним об этом деле, добавил он с похотливым смешком, он всегда готов.

Корсо высказал предположение, что перед смертью издатель мог кому-то обмолвиться о рукописи, но Ла Понте такой вариант исключал. Тайллефер настаивал, чтобы Ла Понте сохранял сделку в тайне, пока сам издатель не даст ему знак. А никакого знака не было, если не принимать за такой последний поступок издателя – то, что он повесился на крюке от люстры.

– Этот знак, – заметил Корсо, – ничем не хуже любого другого.

Ла Понте не стал спорить, только опять цинично рассмеялся. Потом принялся выпытывать детали визита Корсо к Лиане Тайллефер. Отпустив пару непристойных шуток, Ла Понте простился, и Корсо не успел рассказать ему о толедском происшествии. Они условились встретиться на следующий день.

Повесив трубку, охотник за книгами опять взялся за «Девять врат». Но теперь в голове его мелькали другие картины, он не мог избавиться от мыслей о рукописи Дюма. Наконец он встал, взял папку с голубыми и белыми листами, потер ушибленную руку и открыл в компьютере директорию DUMAS. Экран мигнул. Корсо открыл файл DUMAS-BIO:

Дюма и Дави де ла Пайетри, Александр. Род. 24.7.1802. Ум. 5.12.1870. Сын Тома-Александра Дюма, генерала Республики. Автор 257 книг – романов, воспоминаний, новелл, 25 томов театральных пьес. Мулат по отцовской линии. Негритянской крови обязан некоторой экзотичностью своего облика. Внешность: высокий рост, мощная шея, курчавые волосы, толстые губы, длинные ноги, физически силен. Характер: жизнелюбие, непостоянство, властность, лживость, необязательность, общительность. Сохранились сведения о 27 его любовницах. Имел двоих законных детей и четверых незаконных. Заработал несколько состояний и все промотал – кутежи, путешествия, дорогие вина и цветы для дам. Литературным трудом он зарабатывал большие деньги, но был слишком щедр с любовницами, друзьями и прихлебателями, которые осаждали его резиденцию – замок «Монте-Кристо». Ему пришлось бежать из Парижа, но причина была отнюдь не политической, как у его друга Виктора Гюго, – он скрывался от кредиторов. Друзья: Гюго, Ламартин, Мишле, Жерар де Нерваль, Нодье, Жорж Санд, Берлиоз, Теофиль Готье, Альфред де Виньи и другие. Враги: Бальзак,

Бадер и другие.

Нет, здесь никакой зацепки не было. У Корсо появилось ощущение, будто он двигается вслепую, плутая среди бесчисленных ложных или не относящихся к делу следов. Но где-то должен быть и нужный след. Здоровой рукой он набрал: DUMAS-NOV:

Романы Александра Дюма, печатавшиеся с продолжением:

1831. «Исторические сцены» («Ревю де дё монд»)

1834. «Жак I и Жак II» («Журналь дез анфан»)

1835. «Изабелла Баварская» («Дюмон»)

1836. «Мурат» («Пресс»)

1837. «Паскаль Бруно» («Пресс»); «История одного тенора» («Газетт мюзикаль»)

1838. «Граф де Орас» («Пресс»); «Ночь Нерона» («Пресс»); «Оружейный зал» («Дюмон»); «Капитан Поль» («Сьекль»)

1839. «Жак Орта» («Дюмон»); «Жизнь и приключения Джона Дэвиса» («Ревю де Пари»); «Капитан Памфил» («Дюмон»)

1840. «Учитель фехтования» («Ревю де Пари»)

1841. «Шевалье д'Арманталь» («Сьекль»)

1843. «Сильвандир» («Пресс»); «Свадебный наряд» («Мод»); «Альбин» («Ревю де Пари»); «Асканио» («Сьекль»); «Фернанда» («Ревю де Пари»); «Амори» («Пресс»)

1844. «Три мушкетера» («Сьекль»); «Габриэль

Ламбер» («Кроник»); «Дочь регента» («Коммерс»); «Корсиканские братья» («Демократа пасифик»); «Граф Монте-Кристо» («Журналь де деба»); «Графиня Берта» («Этцель»); «История вертопраха» («Этцель»); «Королева Марго» («Пресс»)

1845. «Нанон де Лартиг» («Патри»); «Двадцать лет спустя» («Сьекль»); «Шевалье де Мезон-Руж» («Демократи пасифик»); «Графиня де Монсоро» («Конститюсьонель»); «Мадам де Конде» («Патри»)

1846. «Виконтесса де Камб» («Патри»); «Бастард де Молеон» («Коммерс»); «Джузеппе Бальзамо» («Пресс»); «Аббатство де Песак» («Патри»); «Сорок пять» («Конститюсьонель»); «Виконт де Бражелон» («Сьекль»)

1848. «Ожерелье королевы» («Пресс»)

1849. «Женитьба папаши Олифуса» («Конститюсьонель»)

1850. «Бог располагает» («Эванеман»); «Черный тюльпан» («Сьекль»); «Голубка» («Сьекль»); «Анж Питу» («Пресс»)

1851. «Олимпия Клевская» («Сьекль»)

1852. «Бог и дьявол» («Пей»); «Графиня де Шарни» («Кадо»); «Исаак Лакедем» («Конститюсьонель»)

1853. «Пастор Ашурн» («Пей»); «Катрин Блюм» («Пей»)

1854. «Жизнь и приключения Каталины-Шарлотты» («Мускетэр»); «Сальтеадор» («Мускетэр»);

«Могикане Парижа» («Мускетэр»); «Капитан Ришар» («Сьекль»); «Паж герцога Савойского» («Конститюсьонель»)

1856. «Соратники Иегу» («Журнал пур ту»)

1857. «Последний саксонский король» («Монте-Кристо»); «Предводитель волков» («Сьекль»); «Птицелов» («Кадо»); «Блек» («Конститюсьонель»)

1858. «Волчицы Машкуля» («Журнал пур ту»); «Воспоминания полисмена» («Сьекль»); «Ледяной дом» («Монте-Кристо»)

1859. «Фрегат» («Монте-Кристо»); «Аммалат-Бек» («Монитор юниверсель»); «История подземелья и некоего домика» («Ревю Еуропен»); «Любовное приключение» («Монте-Кристо»)

1860. «Воспоминания Ораса» («Сьекль»); «Падре Ла-Рюин» («Сьекль»); «Маркиза д'Эскоман» («Конститюсьонель»); «Доктор с Явы» («Сьекль»); «Джан» («Сьекль»)

1861. «Ночь во Флоренции» («Леви-Этцель»)

1862. «Волонтер 92-го года» («Монте-Кристо»)

1863. «Сан-Феличе» («Пресс»)

1864. «Две Дианы» («Леви»)

1865. «Воспоминания фаворитки» («Авенир насьональ»); «Граф де Море» («Нувель»)

1866. «Совесть» («Солей»); «Парижане и провинциалы» («Пресс»); «Граф де Мазарра» («Мускетэр»)

1867. «Белые и синие» («Мускетэр»); «Прусский террор» («Ситуасьон»)

1869. «Гектор де Сент-Эрмин» («Монитор юниверсель»); «Таинственный доктор» («Сьекль»); «Дочь маркиза» («Сьекль»)

Он улыбнулся, подумав: сколько бы заплатил покойный Энрике Тайллефер, чтобы иметь все эти романы. Очки запотели. Корсо снял их и принялся осторожно протирать стекла. Строки на экране компьютера расплылись. Мутными были и картины, плавающие у Корсо в голове: смысл их упорно от него ускользал. Чистые стекла вернули линиям четкость, но в мыслях ясности не прибавилось – мелькающие образы оставались неуправляемыми. Он не находил ключа к разгадке их смысла. И все же Корсо показалось, что он нащупал верный путь. Компьютер снова замигал:

Бодри, издатель «Сьекля». Печатает «Трех мушкетеров» с 14 марта по 11 июля 1844 г.

Корсо заглянул в другие справки. По его данным, Дюма в отдельные периоды использовал труд помощников, всего их было пятьдесят два. С большинством он разрывал отношения очень бурно. Но теперь Корсо интересовало одно имя:

Маке, Огюст-Жюль (1813–1886). Вместе с Дюма работал над несколькими пьесами и 19 романами, в том числе – и самыми известными («Граф Монте-Кристо», «Шевалье де Мезон-Руж», «Черный тюльпан», «Ожерелье королевы»), и главное – над циклом о мушкетерах. Благодаря сотрудничеству с Дюма Маке делается богатым и знаменитым. Дюма

умирает нищим, а тот – в собственном замке «Сен-Мезм». Но ни одно из написанных им самим произведений не пережило автора.

Корсо перешел к биографическим данным. Заглянул в выписки из «Мемуаров» Дюма:

Мы были изобретателями легкой литературы – Гюго, Бальзак, Сулье, Мюссе и я. И мы сумели создать себе репутацию именно литературой такого рода, какой бы легкой она ни была...

Мое воображение, обращенное к реальности, напоминает воображение человека, который, посетив развалины монумента, вынужден шагать по обломкам, пробираться по мосткам, заглядывать в проемы, чтобы хоть в малой степени восстановить первоначальный облик здания, когда здесь кипела жизнь, когда радость звенела здесь песнями и смехом и когда боль растекалась эхом рыданий.

Корсо раздраженно отвернулся от экрана. Чутье изменило ему, он рылся в закоулках памяти и ничего там не находил. Он встал и сделал несколько шагов по темной комнате. Потом направил свет лампы на стопку книг у стены. Присел и выбрал два толстых тома – современное издание «Мемуаров» Александра Дюма-отца. Вернулся к столу и принялся их листать. Вдруг внимание его привлекли три фотографии. На одной Дюма был запечатлен сидящим, присутствие африканской крови было очевидно – лицо мулата, курчавая шевелюра. Дюма с улыбкой смотрел на Изабель Констан, ко-

торая – прочитал Корсо надпись под фотографией – в пятнадцать лет стала любовницей писателя. Вторая фотография запечатлела уже зрелого Дюма с дочерью Мари. Патриарх беллетристики находился на вершине славы и позировал фотографу добродушно и вальяжно. Третья фотография оказалась, на взгляд Корсо, самой любопытной. Шестидесятипятилетний Дюма – еще сильный, с прямой осанкой, сюртук распахнут на круглом животе – обнимал Аду Менкен, одну из последних своих возлюбленных, которой, как гласил текст, «нравилось фотографироваться в полуобнаженном виде рядом с великими мужчинами – после сеансов спиритизма и черной магии, которыми она очень увлекалась...». На снимке были хорошо видны обнаженные ноги, руки и шея Менкен, и такая фотография в ту эпоху свидетельствовала о скандальной распущенности. Девушка, больше внимания уделявшая камере, чем стоящему рядом старику, положила голову на его мощное плечо. Что касается Дюма, то на лице его читались следы долгой жизни, проведенной в роскоши и излишествах, наслаждениях и кутежах. Пухлые щеки бонвивана, губы, сложенные в ироничную, но довольную усмешку. А глаза смотрели на фотографа с шутливым ожиданием – словно просили не судить его слишком строго. Толстый старик и пылко-бесстыдная девица, которая явно выставила напоказ, будто редкостный трофей, писателя, чьи герои и приключения успели покорить сердца стольких женщин. Старый Дюма словно просил с пониманием отнестись к то-

му, что он уступил капризу девушки, молодой и красивой, в конце-то концов, с нежной кожей и чувственными устами, которую судьба подарила ему на последнем отрезке жизненного пути – всего за три года до смерти. Старый развратник. Корсо, зевнув, захлопнул книгу. Старинные наручные часы, которые он частенько забывал завести, остановились на четверти первого. Он подошел к окну, открыл одну створку и вдохнул холодный ночной воздух. Улица по-прежнему выглядела пустынной.

– Все это очень странно, – пробурчал он, возвращаясь к столу, чтобы выключить компьютер. Взгляд его метнулся к папке с рукописью. Он машинально открыл ее и снова перелистал страницы, исписанные двумя разными почерками: одиннадцать голубых листов и четыре белых. «Après de nouvelles presque désespérées du roi...» После вестей о почти безнадежной болезни короля... Корсо направился к стопке книг, отыскивал огромный красный том – анастатическое издание Х.-К. Латта, 1988 год, – включавший весь цикл романов о мушкетерах, а также «Графа Монте-Кристо», воспроизведенного по изданию «Ле Вассер» с гравюрами чуть ли не времен самого Дюма. Открыл главу «Анжуйское вино» на странице 144 и принялся читать, сравнивая текст с рукописью. Если не обращать внимания на одну мелкую опечатку, тексты были идентичными. Глава сопровождалась гравюрами Уйю по рисункам Мориса Лелуа⁵². Король Людовик XIII при-

⁵² *Морис Лелуа* (1853–1940) – французский художник, основатель общества

бывает в Ла-Рошель с десяти тысячным войском. Среди тех, кто его сопровождает, на первом плане четыре всадника в широкополых шляпах и форменных мундирах королевских мушкетеров господина де Тревиля, в руках мушкеты. Разумеется, трое из них – Атос, Портос и Арамис. Вскоре они встретятся со своим другом д'Артаньяном, пока еще простым кадетом в роте гвардейцев господина Дезэссара. Гасконец пока еще не знает, что анжуйское вино отравлено, что это подарок его смертельного врага – миледи, которая решила таким образом отомстить ему за жестокое оскорбление: он проник на ее ложе, выдав себя за графа де Варда, и целую ночь наслаждался ее любовью. Хуже того, д'Артаньян случайно раскрыл страшную тайну миледи: на плече ее палач выжег позорное клеймо – цветок лилии. Такова предыстория, и, зная нрав миледи, легко угадать, что изображено на следующей картинке: на глазах изумленного д'Артаньяна и его товарищей бандит Бризмон в страшных муках испускает дух – ведь он выпил вина, предназначенного господам. Покоренный магией текста, который он не перечитывал лет двадцать, Корсо дошел до сцены, где мушкетеры и д'Артаньян ведут речь о миледи:

– Как видите, милый друг, – сказал д'Артаньян Атосу, – это война не на жизнь, а на смерть.

Атос покачал головой.

– Да-да, – ответил он, – я вижу. Но вы, значит,

думаете, что это она?

– Я в этом уверен.

– А я должен сознаться, что все еще сомневаюсь.

– Однако же – лилия на плече?

– Это англичанка, совершившая во Франции какое-то преступление, за которое ее заклеямили.

– Атос, Атос, уверяю вас, это ваша жена! – повторял д'Артаньян. – Неужели вы забыли, как сходятся все приметы?

– И все-таки я думаю, что та, другая, умерла. Я так хорошо повесил ее...

На этот раз покачать головой пришлось уже д'Артаньяну.

– Но что же делать? – спросил он.

– Нельзя вечно жить под дамокловым мечом, – сказал Атос, – необходимо найти выход из положения.

– Но какой же?

– Постарайтесь увидеться с ней и объясниться. Скажите ей: «Мир или война! Даю честное слово дворянина, что никогда не скажу о вас ни слова, что никогда ничего не предприму против вас. Со своей стороны, вы должны торжественно поклясться, что не будете вредить мне. В противном случае я дойду до канцлера, дойду до короля, я найду палача, я восстановлю против вас двор, я заявлю о том, что вы заклеимены, я предам вас суду, и, если вас оправдают, тогда... ну, тогда, клянусь честью, я убью вас где-нибудь под забором, как бешеную собаку!»

– Я не возражаю против этого способа, – сказал

д'Артаньян, – но как же увидиться с ней?

Одни воспоминания тянут за собой другие. В голове у Корсо вдруг сверкнул луч, и в памяти забрезжило что-то очень знакомое. На сей раз он не дал видению растаять: опять тот тип в черном, шофер «ягуара» перед домом Лины Тайллефер, субъект, который сидел за рулем «мерседеса» в Толедо... Человек со шрамом. Именно мысль о миледи оживила память Корсо.

Он размышлял над этими фактами в некотором смущении – и тут все встало на свои места. Конечно же, миледи, леди Винтер, какой ее впервые увидел д'Артаньян: вот она выглядывает из окошка своей кареты перед гостиницей в Менге – в первой главе романа. Миледи, беседующая с незнакомцем... Корсо быстро перелистал страницы, отыскивая нужную сцену:

Он вперил гордый взгляд в незнакомца и увидел человека лет сорока, с черными пронизательными глазами, с бледным лицом, с крупным носом и черными, весьма тщательно подстриженными усами.

Рошфор. Подлый агент кардинала, враг д'Артаньяна; тот, из-за кого гасконца поколотили в первой главе, кто украл у него рекомендательное письмо к господину де Тревилю и по чьей вине д'Артаньяну пришлось биться на дуэли с Атосом, Портосом и Арамисом... Вот такой пируэт сделала память Корсо, такие необычные ассоциации зародились у него в голове. Он растерянно почесал затылок. Но какая связь между

соратником миледи и шофером, который намеревался сбить его в Толедо?.. Да еще этот шрам... В тексте ни о каком шраме не упоминалось; а ведь Корсо отлично помнил: эта метка всегда была у Рошфора на лице. Он снова полистал книгу и нашел нужный кусок в третьей главе, где д'Артаньян рассказывает господину де Тревилю, что с ним произошло:

– Скажите мне... – начал он, сам возвращаясь к происшествию в Менге, – скажите, не было ли у этого дворянина легкого рубца на виске?

– Да, как бы ссадина от пули.

Легкий рубец на виске. Вот оно, подтверждение. Но Корсо почему-то запомнилось, что шрам был больше, и не на виске, а на щеке, совсем как у шофера в черном. Он задумался и вдруг расхохотался. Теперь картина была полной и даже обрела цвет: Лана Тернер в «Трех мушкетерах» выглядывает из окошка кареты, рядом – классический злодей – Рошфор: но у него не бледное лицо, как в романе Дюма, а смуглое, широкополая шляпа с пером и большой шрам – да, большой шрам, пересекающий щеку сверху вниз. Так что воспоминание оказалось не столько литературным, сколько кинематографическим – это разом и позабавило, и разозлило Корсо. Проклятый Голливуд!

Итак, если не раздумывать над тем, при чем тут, собственно, кино, все более или менее встает на свои места: есть общая тема, которая хотя и подспудно, но управляет загадочной и сумбурной мелодией. Не случайно Корсо почув-

ствовал смутную тревогу сразу после визита к вдове Тайл-лефер – теперь эта тревога обретала конкретные очертания, вырисовывались какие-то лица, обстоятельства, персонажи – то ли живые, то ли выдуманные, и между ними существовали странные и непонятные ему связи. Дюма и книга XVII века, дьявол – и «Три мушкетера», миледи – и костры инквизиции... Правда, во всем этом было больше абсурда, чем здравого смысла, больше литературы, чем реальности.

Корсо погасил свет и лег в постель. Но заснуть сразу не смог. Ему не давал покоя некий образ – он словно парил в темноте перед его открытыми глазами. Что-то далекое, из прочитанного в юности, из мира теней – и теперь, двадцать лет спустя, оно возвратилось к нему, материализовалось в почти осязаемые формы. Шрам. Рошфор. Незнакомец из Менга. Агент его высокопреосвященства.

Глава 5. Remember

Экرويد сидел в кресле перед камином в той же позе, в какой я его оставил.

А. Кристи. Убийство Роджера Экроида

Здесь я во второй раз появляюсь на сцене, потому что Корсо решил снова встретиться со мной. И насколько помню, было это дня за три-четыре до его отъезда в Португалию. Как он признался позднее, уже тогда у него зародилось подозрение, что рукопись Дюма и «Девять врат» Варо Борхи лишь вершина айсберга, и, чтобы разобраться во всем этом, нужно было непременно распутать другие истории, которые переплетались между собой и образовывали узлы, похожие на узел галстука, связавшего руки Энрике Тайллефера. Дело трудное, предупредил я, ведь в литературе не бывает четких границ; одно опирается, наслаивается на другое – в результате получается сложная интертекстуальная игра, своего рода система зеркал или конструкция типа русской матрешки, где почти невозможно установить, что откуда берется. Только совсем уж глупые или очень самоуверенные критики посягают на это. Разве можно, например, сказать, будто в романах Роберта Грейвза заметен след «Quo Vadis»⁵³, а не Све-

⁵³ Роберт Грейвз (1895–1985) – английский писатель, поэт, автор исторических романов. «Quo Vadis» («Камо грядеши?»; 1894–1896) – роман-эпопея польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916).

тония или Аполлония Родосского? Что касается меня, то я знаю только то, что ничего не знаю. А когда хочу узнать, ищу в книгах, потому что книги забывать не умеют.

– Граф де Рошфор – один из самых важных персонажей второго плана в «Трех мушкетерах», – объяснил я Корсо, когда он вновь появился у меня. – Агент кардинала и друг миледи, а также первый враг, которым обзавелся д’Артаньян. Я могу даже указать точную дату, когда это случилось: первый понедельник апреля 1625 года, Менг-на-Луаре... Я, естественно, имею в виду романного Рошфора, хотя похожий персонаж существовал и в реальности; Гасьен де Куртиль в «Мемуарах д’Артаньяна» описывает его под именем Рознаса... Но именно такого Рошфора – со шрамом – в жизни не было. Дюма позаимствовал этого героя из другой книги – из «Memoires de MLCDR» (Monsieur le comte de Rochefort), по всей вероятности – апокрифических, их также приписывают де Куртилю... Некоторые полагают, что речь шла об Анри Луи де Алуаньи, маркизе де Рошфоре, родившемся около 1625 года, но это, право, уже такие тонкости...

Мы сидели в кафе, где обычно собирается мой кружок. Я смотрел в окно на фары машин, проезжающих по вечернему бульвару. За нашим столом среди кучи газет стояли чашки с кофе и пепельницы с дымящимися сигаретами. Вокруг расположилась вся наша компания: пара писателей, один художник, переживающий творческий кризис, журналистка, взлетевшая на гребень успеха, театральный актер и четыре-пять

студентов – из тех, что стараются быть понезаметнее и все время помалкивают, взирая на меня, как на самого Господа Бога. Корсо сидел с нами, так и не сняв плаща, прислонившись плечом к оконному стеклу. Он пил джин и время от времени что-то записывал.

– Разумеется, – добавил я, – читатель «Трех мушкетеров» на протяжении всех шестидесяти семи глав ждет дуэли между Рошфором и д'Артаньяном и испытывает разочарование. Дюма понадобилось всего три строчки, чтобы разрешить проблему, вернее, очень ловко замять дело; поэтому, когда мы вновь встречаемся с нашими героями в «Двадцать лет спустя», оказывается, что они бились уже трижды и у Рошфора на теле появились новые шрамы. Но ненависти между ними теперь нет, скорее – некое подобие взаимного уважения, которое может возникнуть только в отношениях двух старых врагов. И снова судьбе угодно, чтобы они сражались в разных лагерях; но их связывает род сообщничества, которое невольно зарождается, когда два дворянина знакомы двадцать лет... Рошфор попадает в немилость к Мазарини, бежит из Бастилии, помогает бежать герцогу де Бофору, участвует во Фронде и умирает на руках д'Артаньяна, который сам же и пронзил его шпагой, не узнав в пылу сражения... «Он был моей звездой», – что-то вроде этого произносит гасконец. «Я выжил после трех ударов вашей шпаги, четвертого мне не снести». И он умирает. «Я только что убил старого друга», – скажет д'Артаньян Портосу... Это и стало

эпитафией заслуженному агенту кардинала Ришелье.

Тут разгорелась жаркая дискуссия. Актер, бывший герой-любовник, которому довелось когда-то сыграть графа Монте-Кристо в телесериале, – сейчас он пожирал глазами журналистку, – предался воспоминаниям о той своей работе. Надо заметить, рассказчиком он был блестящим, так что писатели и художник засыпали его вопросами. Потом мы перешли от Дюма к Мишелю Зевако и Полю Февалю и в очередной раз воздали должное бесспорному мастерству Сабатини, которому Сальгари⁵⁴ явно уступал. Помню, кто-то робко вспомнил о Жюле Верне, однако на него дружно зашикали. Среди неистовых поклонников романа плаща и шпаги Жюль Верн с его холодными, картонными героями был не в чести.

Что касается журналистки, весьма модной девицы, которая уже заимела свою колонку в воскресном приложении к уважаемой газете, ее литературная память начиналась с Милана Кундеры. Потому все это время она благообразно помалкивала и с облегчением кивала всякий раз, когда слышала знакомые названия или имена героев: «Черный лебедь», Аньес, удар шпагой Невера⁵⁵, – потому что вспоминала какой-нибудь из виденных по телевизору фильмов. Между тем Корсо выжидал с терпением опытного охотника; он

⁵⁴ *Эмилио Сальгари* (1863–1911) – популярный итальянский писатель, автор приключенческих романов.

⁵⁵ *Аньес* – героиня романа М. Кундеры «Бессмертие» (1989); *Невер* – герой романа П. Февала «Горбун» (гл. 5 называется «Удар Невера»).

неотрывно смотрел на меня поверх стакана с джином и ловил момент, когда можно будет вновь повернуть разговор на нужную ему тему. И повернул, воспользовавшись неловким молчанием, которое повисло над столом после того, как журналистка выпалила: ей, мол, приключенческие романы все-таки кажутся слишком легковесными... Поверхностными, если выразиться точнее. Иными словами...

Корсо покусывал кончик своего фаберовского карандаша.

– А какая роль, на ваш, сеньор Балкан, взгляд, отведена во всей этой истории Рошфору?

Все повернулись в мою сторону, и первыми – студенты, среди которых были две девушки. Не знаю почему, но в некоторых компаниях меня воспринимают как патриарха мира беллетристики; и стоит мне открыть рот, как люди буквально замирают, ожидая услышать некие неоспоримые истины и окончательные суждения. А скажем, моя статья во влиятельном журнале может возвысить или погубить начинающего писателя. Абсурд, конечно, но такова жизнь. Помните, к примеру, последнего нобелевского лауреата, автора «Я, Онан», «В поисках себя» и знаменитейшей «Oui, c'est moi»⁵⁶. Ведь именно я благословил его пятнадцать лет назад, напечатав хвалебный отзыв в «Монде». Никогда себе этого не прощу, но так уж устроен мир.

– Во-первых, Рошфор – это враг, – начал я развивать свою мысль. – Он символизирует темные силы, черный рок... С

⁵⁶ «Да, это я» (фр.).

его помощью строятся дьявольские козни против д'Артаньяна и его друзей; он служит коварному кардиналу, который, играя их жизнями, плетет свои интриги...

Я увидел, как одна из студенток улыбнулась; но не мог угадать, была ее чуть насмешливая улыбка реакцией на мои слова или ответом на собственные тайные мысли, далекие от происходящего здесь и сейчас. Я удивился, ибо, как уже сказал, привык к тому, что студенты внимают мне с тем же почтением, с каким редактор «Осерваторе романо» отнесся бы к эксклюзивному праву опубликовать папскую энциклику. Поэтому я взглянул на нее попристальнее, хотя, честно признаюсь, еще с самого начала, едва присоединившись к нам, она привлекла мое внимание – у нее были тревожные зеленые глаза и короткие, как у мальчика, каштановые волосы. Теперь она сидела чуть поодаль, отдельно от всей компании. Вокруг нашего стола всегда собирается молодежь – обычно я приглашаю в кафе студентов-филологов; но этой девушки я прежде не видел. Таких глаз я бы не забыл – очень светлого тона, почти прозрачные, на смуглом, да к тому же еще загорелом лице, словно она много времени проводит на солнце и свежем воздухе. Стройная и гибкая девушка с длинными ногами – и тоже загорелыми, подумал я, хотя она была в джинсах. Я заметил еще одну деталь: она не носила ни колец, ни часов, ни сережек; и мочки ушей у нее не проколоты.

– К тому же Рошфор – человек, который всюду мелькает, но его невозможно настичь, он неуловим, – продолжал я,

не без труда ухватив нить прерванных рассуждений. – Маска тайны, загадочный шрам. Он – символ парадоксального бессилия д'Артаньяна, который преследует его и не может догнать, не может убить, как ни старается... Помните, это случилось только двадцать лет спустя, по ошибке, когда тот перестал быть противником и превратился в друга.

– Твой д'Артаньян – это человек, приносящий несчастья, – заметил один из собеседников, тот писатель, что постарше.

Его последний роман почти не продавался, разошлось всего пятьсот экземпляров, но он здорово зарабатывал, сочиняя детективы, которые печатал под двусмысленным псевдонимом Эмилия Форстер. Я посмотрел на него с благодарностью – он подкинул мне еще одну тему.

– Верно! Его вообще преследует невезение. Любимую женщину отравили. Несмотря на все свои подвиги и услуги, оказанные французской короне, он двадцать лет остается скромным лейтенантом мушкетеров. И когда в самом конце «Виконта де Бражелона» ему прислали маршальский жезл, за который он заплатил огромную цену – четыре тома и четыреста двадцать пять глав, – его настигает голландская пуля.

– Как и настоящего д'Артаньяна, – вставил актер, который к этому времени уже положил руку на бедро модной журналистки.

Я выпил глоток кофе, потом кивнул. Корсо не сводил с

меня глаз.

– Нам известны три д'Артаньяна, – пояснил я. – О первом, Шарле де Батц Кастельморе, мы знаем, потому что в «Газетт де Франс»⁵⁷ было напечатано, что он погиб 23 июня 1673 года – пуля угодила ему в горло – при осаде Маастрихта. Вместе с ним пала половина его солдат... Иначе говоря, он был не более удачлив, чем его выдуманый однофамилец.

– И он тоже был гасконцем?

– Да, из Люпиака. Городок еще существует, и там установлена памятная доска: «Здесь около 1615 года родился д'Артаньян, чье настоящее имя было Шарль де Батц, он погиб при осаде Маастрихта в 1673 году».

– Тут историческая неувязочка, – заметил Корсо, сверяясь со своими записями. – У Дюма в начале романа, то есть приблизительно в 1625 году, д'Артаньяну восемнадцать лет. А настоящему д'Артаньяну в ту пору едва исполнилось десять. – Охотник за книгами улыбнулся как хорошо воспитанный кролик-скептик. – Он был слишком молод, чтобы управляться со шпагой.

– Верно, – согласился я. – Дюма внес коррективы, чтобы герой мог участвовать в истории с алмазными подвесками, встретиться с Ришелье и Людовиком XIII. Видимо, Шарль де Батц совсем юным прибыл в Париж: в 1640 году он уже числится гвардейцем в роте господина Дезэссара, его имя фигурирует в списках, затем он упоминается в документах об

⁵⁷ «Газетт де Франс» – первая французская газета, выходила с 1631 по 1914 г.

осаде Арраса, а два года спустя участвует в руссильонской кампании... Но он не служил мушкетером при Ришелье, он вступил в эту элитную роту лишь после смерти Людовика XIII. На самом деле его покровителем был кардинал Джулио Мазарини... Да, в действительности между двумя д'Артаньянами существует зазор в десять или пятнадцать лет; хотя Дюма после успеха «Трех мушкетеров» расширил время действия, охватив почти сорок лет истории Франции, и в последующих томах старался приблизить вымысел к реальным событиям.

– А много ли доподлинно известно об этом человеке? Я имею в виду роль настоящего д'Артаньяна в истории Франции.

– Известно немало. Его имя встречается в письмах Мазарини и в бумагах военного ведомства. Как и герой романа, он был агентом кардинала в период Фронды, выполнял деликатные поручения при дворе Людовика XIV. Именно ему довелось арестовать и препроводить в тюрьму генерального контролера, иначе – министра финансов Франции Фуке, и этот факт нашел подтверждение в письмах мадам де Севинье. Он познакомился с Веласкесом на острове Фазанов, сопровождая Людовика XIV, который отправился туда за своей невестой Марией Терезией Австрийской...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.